

ВЛАДИМИР

КОЛЫЧЕВ

МАСТЕР КРИМИНАЛЬНОЙ ИНТРИГИ

МЕНТ

БЕЗ ЦЕННИКА

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Мент без ценника

«ЭКСМО»

2012

Колычев В. Г.

Мент без ценника / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2012 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

ISBN 978-5-699-55783-7

На красавицу-жену Егора Хромцова положил глаз бизнесмен Игорь Костылин и стал внаглую добиваться ее любви. Слабоват оказался духом Егор, не смог защитить свою Лену – лишь публично пригрозил отомстить Игорю да разбил бутылкой стекло в машине бизнесмена. Но случилось так, что на следующий день Костылина зарезали, а на балконе Хромцовых нашелся нож, испачканный кровью Игоря. Для следствия все предельно ясно: убийца – Егор. На будущем парня можно было бы поставить крест, если бы не встретился на его пути честный опер Богдан Городовой. Чую сыщицким нюхом, что Хромцов здесь ни при чем, он пообещал вытащить Егора из беды. А такой упертый мент, как Богдан, от своего слова не отступит...

ISBN 978-5-699-55783-7

© Колычев В. Г., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владимир Григорьевич Колычев

Мент без ценника

Глава 1

Ночь. Мороз и ветер. Мелкий колючий снег. Фонарь со скрипом качается, создавая искаженные, блуждающие тени. Закоченевший труп в нескольких метрах от подъезда. Зловещая тяжесть низкого, затянутого тучами неба. Возможно, эта плотная облачность не позволяет душе покойного подняться к небесам, потому и бродит она где-то рядом, безмолвно стонет, взывает о мщении.

– Давно уже лежит, – поднимая воротник, сказал судмедэксперт.

Он достал из кармана куртки четвертинку беленькой, мелко подрагивающей рукой скрутил пробку, вопросительно глянул на следователя. Тот мотнул головой. Отказался и Богдан Городовой. Ему тоже холодно, ноги в ботинках мерзнут, но водка его не согреет. Сейчас бы чаю горячего... Однако у Голубева своя внутренняя политика. Работа у него такая – с трупами возиться, тут без ста граммов никакой душевности, один сплошной цинизм. А ему нельзя без чуткости, все-таки работает на пороге в загробный мир, где тонкая организация, куда людей с добрым напутствием провожать надо. Ну и помянуть новопреставленного на дорожку – святое дело.

Поэтому отказ следователя и оперативника выпить Голубев принял с плохо скрытой радостью. Чекушка маленькая, и если с каждым делиться, то самому ничего не останется. А тут двести пятьдесят граммов на одно горло; в ночной мороз – самое то. Не сразу, конечно, по чуть-чуть. Работа у судмедэксперта нудная, долгая и не очень приятная. Тут без перерывов никак нельзя. Сделать несколько глотков из косушки, выдохнуть с удальдой, закрыть глаза в предчувствии тепла, достать сигарету, закурить...

Богдану тоже вдруг захотелось выпить. Сам по себе покойник его не смущал, за полтора года работы в органах он уже к ним привык. Но из подъезда выбежала женщина с искаженным от ужаса лицом. Бигуди под косыночкой, распахнутое пальто поверх ночной рубашки в цветок, тапки на босу ногу. Она поскользнулась и в попытке удержать равновесие перетасила вес тела вперед, в эту сторону же и упала, грудью навалившись на труп:

– Ко-оля!

Вот именно такие сцены и не жаловал Богдан. К погибшим людям он еще мог привыкнуть, но к страданиям их родных – нет. Он сам помнил, как погиб его отец, как завывала от горя мама, как сам плакал навзрыд. Отец тоже был опером, и его вот так же подрезали недалеко от дома. Шесть лет тогда было Богдану. Два десятка лет с тех пор прошло, но женский стон всколыхнул память, выдавил скупую мужскую слезу.

К женщине шагнул сержант патрульно-постовой службы, но Богдан махнул ему рукой, призывая не мешать. Следователь нервно полез за сигаретой.

Время – половина третьего ночи. Видно, мужчина возвращался домой поздно, где-то в районе полуночи. Возле самого подъезда нарвался на своего убийцу. Удар ножом в область сердца не оставил ему шансов выжить. Четкий удар, нанесенный твердой и опытной рукой. Дом двухэтажный, малоквартирный, жильцов не густо, поэтому неудивительно, что труп часа два пролежал на морозе, прежде чем его заметили. А жена только узнала о гибели мужа. Видно, разбудили ее, сообщили. Врач «Скорой помощи» не догадался известить родных или не захотел этого сделать. Осмотрел покойника, сделал заключение и уехал, оставив труп на попечение следствия.

Покойник успел остыть, поэтому снег уже не таял на лице, и тело накрыто белым пушистым саваном. Мужчина лет сорока, в пыжиковой шапке, пальто старое, ботинки сбитые, трехдневная щетина на лице. Но спиртным от него пахло, что наводило на мысль о разборке между собутыльниками. Документов при нем не было, денег тоже. И наручных часов тоже... Похоже на убийство с целью ограбления. Скорее всего, так.

– Пойду я, людей опрошу. – Богдан кивком указал на подъезд.

Пусть следователь занимается покойным, объясняется с его вдовой, а он пойдет выслушивать возмущения и угрозы. Спят люди, а ему придется их потревожить. Разгул демократии в России, народ всерьез решил, что живет в свободной стране, потому о своих правах заявляет в полный голос. Не боятся люди гавкать на милиционеров. Это только перед бандитами они поджимают хвосты и жалко скулят.

Но ничего, Богдан уже привык к хамству непуганых обывателей. Поэтому без особого стеснения нажал на клавишу звонка.

– Кто там? – спустя пару минут донесся из-за двери мужской голос.

– Откройте, милиция!

– Ага, щас!

Богдан больше не стал жать на кнопку звонка, но и уходить не торопился. Сейчас разбуженный жилец выглянет в окно, увидит «уазик», на крыше которого беззвучно крутились проблисковые маяки, заметит покойника, проявит интерес... Если после этого дверь откроется, значит, убийство соседа станет для хозяина квартиры новостью. Значит, ему просто нечем будет ответить Богдану на его вопросы.

Но дверь не открывалась. Значит, хозяин квартиры мог что-то видеть. А на контакт не идет, потому что непробиваемый тупица... А может, и не видел ничего. Но тупой... Богдан снова нажал на кнопку звонка.

– Да что это такое? – донесся из-за двери возмущенный возглас.

Послышались щелчки открываемых замков, приоткрылась дверь, выпуская в холод лестничной площадки домашнее тепло, сдобренное запахом валерьянки. Богдан внимательно посмотрел на грузного, лет сорока мужчину. Красные у него глаза, уставшие. Похоже на бессонницу, вот и пьет валерьянку. Хочет заснуть, да не получается. Потому и злой.

– Вы хоть знаете, сколько сейчас времени?

Только злость в нем какая-то беспомощная, растерянная, нет во взгляде твердости, которая присуща злым по жизни людям.

– Человека убили, вашего соседа, – невозмутимо сказал Богдан, для проформы раскрыв корочки служебного удостоверения.

– И что? – через силу выдавил из себя мужчина.

– А завтра убьют вас.

– Вы что, издеваетесь? – Жалкое возмущение, выдохшееся.

– Я понимаю, бессонница у вас. И тревожить я вас не имею права. Но убийцу надо найти. Или нет?

– Мне какое до этого дело?

– Может, вы что-то видели?

– Нет!

Мужчина попытался закрыть дверь, но Богдан подставил ногу.

– Я в прокуратуру жаловаться буду!

– Тогда ручку возьмите и бумагу. Но лучше всего о теплых вещах позаботиться. В камере у нас холодно, – пристально глядя на него, жестко отчеканил Городовой.

– В какой камере? – оторопел мужчина.

– В КПЗ... Валерьянку вы пили зачем? Чтобы успокоиться?.. Ну да, человека убить – не в лужу плюнуть...

– Человека убить? – От возмущения гражданин хватил ртом воздух. – Что вы себе такое позволяете?!

– У прокурора спросите, что я себе позволяю. Завтра я вам обеспечу с ним встречу, он к вам прямо в камеру и придет.

– Не убивал я Колю!

– А откуда вы знаете, кого убили?

– Так Маргарита на всю ивановскую голосила!

– Маргарита – жена Коли?

– Да. Коли Сысоева жена.

– А вы кто будете?

– Сосед.

– А соседа как зовут?

– Юрий Данилович я... Юрий Данилович Меркушев... Да вы проходите, я чай поставлю...

Тихо в квартире у Юрия Даниловича. Звонящая какая-то тишина. И воздух затхлый. В комнатах темно, только в прихожей свет горит. И в маленькой кухоньке зажглась лампочка, когда туда зашел Богдан.

– Не надо, Юрий Данилович, – покачал он головой. – Выключите!

Свет погас, и Богдан глянул на двор за окном. Деревья в палисаднике, но листьев на них нет, снег с веток осыпался, поэтому место, где лежал покойник, просматривалось хорошо.

– Вам, наверное, завтра на работу рано? – спросил Богдан. – Верней, уже сегодня.

– Да, уже сегодня.

– Если вставать рано, то и лечь надо пораньше. А ляжешь пораньше, сон не идет, верно?

– Его зовешь, а он упирается, – вымученно улыбнулся мужчина.

– Вы на валерьянку сон приманивали, как кота?

– Точно, как кота. Только без толку... Я, когда в армии служил, дневальным заступал. Сидишь у окна ночью, высматриваешь дежурного, а глаза сами закрываются. Я у окна сел, представил, что дежурного жду. Только сон все равно не приходил. Зато Коля появился. Идет себе, пошатывается, а потом вдруг останавливается. Как будто окликнул кто-то. Я не слышал, может, и окликнули. Он остановился, развернулся; смотрю, какой-то мужик к нему подходит. Что-то сказал ему, Коля руками замахал в ответ. Он к нему близко-близко подошел. Я даже не понял, откуда у него нож в руке взялся. Он Колю без замаха ударил. Сел на корточки, под куртку к нему залез, что-то у него там забрал, поднялся и побежал.

Юрий Данилович рукой махнул в глубину двора.

– Там фонарь горит, вы могли разглядеть преступника.

– Нет, не разглядел. У него кепка была низко натянута на глаза. И воротник высоко поднят. И еще он в профиль стоял...

– Какая кепка в феврале месяце?

– Ну, не знаю. Может, шерстяная... И воротник у куртки высоко поднят...

– Он должен был оглядеться, в окна посмотреть. Вдруг за ним наблюдают?

– Может, потому и не посмотрел, что за ним наблюдать могли.

– Логично, – с недоброй усмешкой заметил Богдан. – Я смотрю, вы логичный человек, Юрий Данилович. Увидели, как соседа вашего убили, а в милицию звонить не стали. Что, страшно стало?

– Страшно. – Меркушев с покаянным видом вздохнул и опустил голову.

– Почему?

– Сами знаете, какая нынче жизнь. Союз развалили, инфляция растет, люди на жизнь озлобились. Мафия кругом, убийства, рэкет...

– А мафию мы боимся?

- Жизнь нынче ничего не стоит. Подошли, убили, раз-два, и все.
- Это верно, жизнь нынче ничего не стоит. И кровь людская как водица. Потому что люди свою жизнь перестали ценить. И свою, и чужую. Вот вы бы могли в милицию позвонить, сказать, куда преступник побежал, его бы по горячим следам и взяли. Ан нет, остыли следы. Как преступника теперь найдешь? Потому и чувствуют себя преступники вольготно, что их боятся. И боятся, и покрывают... А может, вы кого-то конкретно испугались? Может, вы знаете человека, который соседа вашего убил. Он из мафии?
- Да не знаю я его! – мотнул головой Меркушев. – Первый раз вижу.
- А вдруг не первый раз? Возможно, видели когда-то, просто сейчас не узнали?
- Ну, может быть...
- Преступник оглянуться должен был. Не оглянулся. Но вы говорите, что он у Сысоева что-то из кармана вытащил...
- Да, присел и вытащил. Только он спиной ко мне сел. Вернее, не ко мне, к окнам. Потом поднялся и побежал...
- Ясно... Значит, в кепке он был. И в дубленке, – нарочно стал путать Меркушева Богдан.
- Нет, куртка на нем была. Обычная теплая куртка с высоким воротником...
- А нос его видели?
- Нос? Да, видел... Крупный такой нос...
- Длинный? Узкий? Широкий? С горбинкой? Без?
- Бесформенный какой-то... Не длинный, но крупный... Вот такой! – Меркушев сложил пальцы так, будто взял в них картофелину.
- А лоб какой? Высокий, низкий? Выпирающий или, наоборот, вдавленный?
- Лоб я не видел, козырек кепки мешал... Надбровья – да, выпуклые. И глаза как будто навывкате. Хотя я не уверен...
- Если я фотографию вам покажу, вы его опознать сможете?
- Если только в профиль, – пожал плечами мужчина. – И то вряд ли...
- Высокий он или нет? Крупный или не очень?
- Не очень высокий. Метр семьдесят, я думаю. Крупный? Нет, я бы не сказал. Хотя и не чахлый. Плотный такой...
- Я так понял, Сысоев близко его к себе подпустил?
- Да, убийца подошел вплотную.
- Но руками махал?
- Да.
- Как? Приветствуя или прогоняя?
- Нет, не прогонял... Но радости точно не испытывал... Возмутился он, похоже, но в драку лезть не хотел. Во всяком случае, мне так показалось...
- Значит, между ними еще раньше был конфликт?
- Может быть.
- Значит, Сысоев возмутился, но в драку не полез.
- Нет... А тот спокойный был. Подошел и ударил ножом...
- Сысоев пытался защититься?
- Кажется, нет.
- Значит, удар для него был неожиданностью?
- Наверное, да.
- А убийца знал, что нанесет удар?
- Да, тот подходил, чтобы ударить.
- А Сысоев его к себе подпустил... Потому что знал его, так?
- Возможно.
- Понятно.

Если покойный знал своего убийцу, то круг подозреваемых сужался.

– А вы Сысоева хорошо знали? – спросил Богдан.

– Ну, как хорошо... В домино летом играли. Тут у нас беседа...

– И много у вас там таких доминошников?

– Была компания...

– Может, кто-то из вашей компании Сысоева сегодня и подрезал?

– Да нет... – задумался Меркушев. – Вряд ли. Я бы узнал...

– А где работал Сысоев?

– На лакокрасочном.

– Употреблял? – Богдан красноречиво щелкнул пальцами по своему горлу.

– Как все, по пятницам. И особенно в день полочки... Пятница завтра. Вернее, сегодня.

Завтра пьянка у мужиков, Двадцать третье на носу... Может, у него сегодня генеральная репетиция была перед этим делом? Но выпил он не очень много. Я знаю, какой он бывает, когда сильно выпьет. А сегодня бутылку на троих сообразили, не больше.

– А с кем сообразал?

– Этого я не знаю, у них там на заводе своя компания. Говорил, что у них без этого дела нельзя. Химия у них там, а ее из крови надо выгонять, водка для этого лучше всего...

– Понятно... У меня к вам большая просьба, Юрий Данилович. Если вы хотите спокойно ходить по городу, то должны помогать нам. Поэтому, если вы знаете, кто убил Сысоева, скажите мне об этом, пожалуйста, сейчас. Убийцу мы все равно найдем, и если вдруг окажется, что вы его знали...

– Но я его не знаю! – Меркушев очень выразительно для убедительности, что это действительно так, приложил руки к груди.

Это могло быть правдой. Только Богдан ему не верил. Не из тех людей Юрий Данилович, с кем бы он мог выпить рюмку водки.

Глава 2

Блестящие залысины, зализанные назад остатки волос, шельмоватый взгляд водянистых глаз, маленький искривленный нос, толстые, четко очерченные губы, выбритый до синевы подбородок, новенький с иголочки мундир, до бритвенной остроты отглаженные стрелки на брюках, отдраенные до зеркального блеска туфли... Это все о нем, о подполковнике Петухове. Звездочки на погонах шитые, генеральской величины. Стройный мужчина, с командирской выправкой, щеголеватый. Такому бы флаг в руки да барабан на шею – и на парад чеканить шаг.

– Не понял, а почему не в форме?

Но лучше всего ему бы сейчас подошли хромовые сапоги и галифе. Ноги у него на ширине плеч, пружинно приподняты на носках – прямо как у эсэсовского офицера, позирующего перед толпой военнопленных. Тросточки только не хватает.

– А я говорил! – встрепенулся капитан Гуцин.

Он тоже новичок в отделе. Но если Петухов – начальник РОВД, то Рома всего лишь старший опер. И он действительно говорил, что на совещание к начальнику РОВД нужно идти в форме. Богдан еще подумал, что парень с Луны свалился. А оказалось, они с Петуховым оба оттуда.

– Так это, Игорь Ефимович, у нас не принято, – удивленно посмотрел на шефа майор Шумов, начальник уголовного розыска.

– Теперь принято! Впредь на совещания прибывать в установленной приказом форме одежды. С дознавателей пример берите. С инспекции по делам несовершеннолетних. Все в форме, как люди, а кто вы, непонятно.

– Уголовный розыск мы, Игорь Ефимович.

– Товарищ подполковник, а не Игорь Ефимович, – красуясь перед подчиненными, с заносчивой насмешкой поправил Шумова Петухов. – Мы же не на базаре, правда?

– Никак нет, не на базаре, – буркнул Шумов и направился к своему месту за длинным приставным столом.

– Куда? А переодеваться? – как на какого-то шута, посмотрел на майора начальник РОВД.

Шумов отговариваться не стал и показал своим операм на дверь. Но Петухов не унился. Он велел построить оперативников в шеренгу и строем вывести из кабинета. И еще добавил, что времена Советского Союза закончились, что в новом государстве должен царить культ дисциплины и порядка. Иначе, сказал он, капитализм не построишь...

– Все правильно Петухов говорит, – сказал в кабинете Гуцин. – Закончился Советский Союз, социализма больше нет, впереди капитализм. А капитализма без дисциплины не бывает. Надо равняться на индустриально развитые страны. На Германию, например. Сам знаешь, какая у них дисциплина. Потому и живут как люди.

Он действительно собирался идти на совещание в форме. Потому что хорошо знал Петухова, с которым служил в соседнем городе до своего перевода в Народноволяск. Они оба сюда с повышением по службе перешли, и подозрительно одновременно. Что, в общем-то, неудивительно. Давно замечено, что новый начальник старается окружить себя своими людьми. Все правильно, с поддержкой человек уверенней себя чувствует.

Понятно, что Петухов со странностями. Но ведь и бывший начальник Богдана тоже не устраивал. Скурвился полковник Измайлов, криминалу продался, потому и работать мешал. Так что уж лучше по стойке «смирно» ходить, чем вольно, но чтобы тебе палки в колеса не вставляли.

– Ты немец? – сухо спросил Богдан.

– Нет, русский.

– Что немцу хорошо, то русскому смерть.

– Не знаю, не знаю... И давай договоримся, не надо мне «тыкать». Все-таки я капитан, а ты лейтенант...

– Да, но я старше по возрасту, – удивленно посмотрел на Гущина Богдан.

В начале этого месяца ему исполнилось двадцать восемь лет, а он всего лишь лейтенант. Так уж вышло, что из армии в двадцать два года уволился, потом была Высшая школа милиции, которую он окончил в двадцать шесть лет. А Гущин учился в средней школе милиции, куда поступил сразу после армии в двадцать лет. В двадцать четыре он был уже старшим лейтенантом, в двадцать шесть досрочно получил капитана. Ему должно было исполниться только двадцать семь лет... Бывает такое, только зачем нос задирать? Тем более перед своим напарником.

Илья Ревякин уже майор, в Юбилейном РОВД уголовный розыск возглавляет. Если с новым начальником и напарником служба не заладится, можно к нему перейти. Он звал. Непросто будет бюрократические барьеры преодолеть, но в принципе это возможно...

– Не имеет значения, сколько тебе лет, – самодовольно проговорил Гущин.

Богдан еще только рубашку застегивал, а Гущин уже китель надел, пылинки с него сдувает. Новенькая у него форма, такая же отутюженная, как у Петухова. Есть чем гордиться...

Хотя лучше бы он своей физической формой занялся. Богдан еще не знал, как он стреляет, как бегает на длинные и короткие дистанции, как обстоят у него дела с рукопашным боем, но были сомнения на этот счет. Хорошо смотрится Гущин в форме, которая, как это модно, больше на один размер, чем нужно, хотя сидит при этом идеально. В форме такого пошива можно и щеголевато выглядеть, и жировые складки на теле скрыть. Молод еще Гущин, а лицо у него уже рыхлое, двойной подбородок хорошо заметен, пузо проклюнулось, жировые отложения на боках. Ноги короткие, задница тяжеловесная, а плечики узкие. Вряд ли у него высокие показатели по физической подготовке. А если он еще и в рукопашном бою полный ноль, то как с ним в розыск идти?..

– Ну, не имеет так не имеет, – пожал плечами Богдан.

В армии он легко заводился по поводу любой несправедливости в отношении себя и в школе милиции спуску задирам не давал, но работа в уголовном розыске наложила свой отпечаток на его характер. И от преступников приходилось выслушивать всякую гадость в свой адрес, и от граждан вроде Меркушева. В общем, внешняя невозмутимость уже стала его визитной карточкой. Да и внутреннее спокойствие, в общем-то, непоколебимо. Вот если бы Гущин закон преступил, тогда другое дело, тогда бы он отреагировал на его вызов. Но ведь ничего подобного нет, а то, что с головой у него не все в порядке, так это его личное горе.

Городовой вышел в коридор, где Шумов уже собирал своих оперативников. Олег Варенцов, Ренат Батаров, Юра Филиппов, Коля Скальцев. В штатском все они выглядели орлами, а в форме... Нет, с мокрыми курицами их не сравнить, и сейчас в них просматривается бойцовская суть, но ощущение такое, что форма на них с чужого плеча... Один лишь капитан Гущин смотрится гоголем. Наглаженный, начищенный. Правда, Шумов этого не оценил, возможно, даже не заметил.

Зато Петухов поставил Гущина в пример. Дескать, вот как должен выглядеть настоящий оперативник.

– А вам должно быть стыдно, товарищ лейтенант, – оглядев Богдана, сказал подполковник. – Китель когда в последний раз гладили? А на брюках почему двойные стрелки?

Богдан отнесся к этому внушению без иронии. Действительно, надо было заняться формой, отутюжить ее, прежде чем в шкаф убирать. И брюки следовало на плечики вешать, так чтобы не образовалась фальшстрелка. Виноват он, чего уж говорить.

– Распустились вы здесь, как я посмотрю, – сделал вывод начальник РОВД. – Надо браться за ваше воспитание...

Воспитание началось в тот же день. Сначала Петухов потребовал от оперативников предъявить для осмотра «тревожный» комплект. Предъявили. С картами района, карандашами, линейками и компасами все было более-менее в порядке. Если не считать, что у Батарова карты были исключительно игральные. Нательное белье, платки, носки – с этим тоже вроде ничего. Но сухой паек на одни сутки нашелся только у Шумова. Ну, и, конечно же, у Гущина. Это все из-за Скальцева, ему капитана присвоили, он звание на прошлой неделе обмывал. А закуски не хватило, пришлось потрошить «тревожные» чемоданы. Жаль, пополнить запасы не успели. Но ведь это не трагедия. Хотя Петухов так не считал.

– «Тревожный» чемодан – это ваше лицо, господа офицеры. Содержимое чемодана отражает содержимое в ваших головах, – зло сказал он. – Вот у Гущина в чемодане полный порядок, значит, и в голове у него все на месте. Значит, и работать он будет на высоком профессиональном уровне. Значит, ему я могу доверять!.. А вот вы, товарищ Городовой! Что вы скажете мне по убийству гражданина... э-э...

– Гражданина Сысоева, – подсказал Шумов.

– Вот-вот, что вы скажете об этом? Вы смогли установить убийцу?

– Пока нет...

– Вы думаете, это меня удивляет? – ехидно спросил Петухов. – Нет, не удивляет. У вас неглаженная форма, у вас разукомплектованный чемодан, и это отражает ваш профессиональный уровень. Ваш низкий профессиональный уровень...

– Да, но убийством Сысоева занимается не только Городовой, – возмущенно сказал Шумов. – Убийством Сысоева занимаемся все мы.

– И что, есть результат?

– Пока нет, но работа идет.

– И куда она идет? В тупик?

Увы, но расследование убийства на Самарской улице уверенно вело на станцию «Глухаревская». Преступник оставил после себя весьма смутные следы. Меркушев просмотрел все фотографии уголовников, что имелись в районной и городской картотеке, но никого не признал. И среди его знакомых таких не водилось. Богдан взял в работу окружение покойного, его друзей и просто знакомых, приметил двух подозрительных товарищей из коллег по работе, но результата пока нет. И агенты молчат. А их у Богдана немало: и сам он по этой части много работал, и Ревякин ему своих людей подбросил, когда уходил. Но никто ничего не знает. Никто в уголовной среде не хвастал, что пришел работягу с лакокрасочного завода. Никто вообще на эту тему даже не заикнулся...

– Работаем, товарищ подполковник. – Шумов с вызовом посмотрел на Петухова и с явным недовольством перевел взгляд на инспекторов и дознавателей, которых тот до сих пор держал в своем кабинете и для которых, собственно, и был устроен этот строевой смотр-шоу.

– Плохо работаете, товарищ майор.

– Делаем, что в наших силах.

– Да, так говорят хирурги. После того, как у них под ножом умирает пациент. А мне в кабинете у начальника ГУВД умирать не хочется. Мне результат нужен. Положительный результат... Завтра мне отчитываться по этому вопросу, что я скажу начальству?

– Так и скажете, что работа идет.

– Плохо идет работа, очень плохо. Но ничего, я научу вас трудиться...

Богдан готов был к новой взбучке, но никак не ожидал, что подполковник Петухов отправит всех оперативников уголовного розыска на плац и заставит маршировать по квадратикам на глазах у всего личного состава отдела. На морозе. В шинелях и ботинках на тонкой подошве. Лучшее всех, разумеется, чеканил шаг доблестный капитан Гущин, новый пример для подражания.

Это издевательство продолжалось до полудня, после чего Петухов дал команду доукомплектовать «тревожные» чемоданы и приготовить конспекты по сегодняшнему и уже состоявшемуся занятию по строевой подготовке. Он его проводил, а конспекты должны подготовить опера. С ног на голову... Впрочем, Богдан не возмущался. Он молодой, не женатый, дома его никто не ждет, так что вечером напишет.

А строевая подготовка, в общем-то, нужна. Как ни крути, а она дисциплину повышает, и командирская выправка – не последнее дело для милиционера. Только вот как с убийцей Сысоева быть? Тут хоть сотню конспектов напиши, но делу этим не поможешь. Искать преступника не в кабинете надо, тут по городу нужно бегать. Этим Богдан, кстати говоря, и собирался заняться.

Но вдруг оказалось, что конспекты нужно подготовить уже сегодня, к шестнадцати ноль-ноль. И что делать в этой ситуации? Может, Петухов и дурак, но ведь он же не шутком в РОВД работает, а начальником, и получить новый от него выговор Богдану не хотелось. К тому же Гуцин уже сел за работу. И форма у него отглаженная, и шаг чеканный, и строевой устав у него вдруг обнаружился. И тетрадку он под это дело новенькую завел.

– Может, под копирку напишешь? – спросил Богдан.

– Нельзя под копирку, конспекты в тетрадях пишутся – как минимум в обычных, а есть еще специальные. Ты же в школе милиции учился, должен помнить, – менторским тоном ответил он.

– Учился. И знаю, что на одно занятие – один конспект. И его составляет тот, кто ведет занятие. Петухов его должен был составить для нас.

– Считаю, что мы конспектируем его лекцию, – невозмутимо ответил Гуцин.

– Какая лекция? Практическое занятие.

– А мы его в теорию переводим.

– Я смотрю, у тебя на все есть ответ, – не сдержал саркастической усмешки Богдан.

– Да. Поэтому я уже капитан, а ты все еще лейтенант. И не надо со мной на «ты», мы же договаривались.

– Ну, тогда по уставу, на «вы», в обоюдном порядке...

– Как скажете, товарищ лейтенант, – не отрывая головы от книги, кивнул Гуцин.

– Конспект по строевой – это, конечно, сила. Но как эту силу к нашему делу приложить? Если бы строевой шаг до убийцы Сысоева довел...

– А что, не получается? – не без ехидства спросил капитан.

– А у вас что, всегда все с первого захода получается?

– Если бы не получалось, я бы капитаном не стал... Вы же не первый год в розыске, лейтенант, должны понимать, как это все делается. Кто Сысоева убил? Наверняка уголовник. Почему я так думаю? Потому что удар очень профессионально нанесен. И нож явно не кухонный. И даже не кнопочный. Длина клинка как минимум семнадцать сантиметров, ширина – миллиметра четыре, не меньше, долы с каждой стороны... Что смотришь на меня? – свысока усмехнулся Гуцин. – Думаешь, если по стойке «смирно» стоять умею, то в нашем оперском деле ничего не понимаю? Ты хоть знаешь, какая у меня раскрываемость в ГУВД была? Девяносто процентов! И здесь не меньше будет. Так что тебе, лейтенант, придется подтягиваться. Семьдесят процентов – тоже хорошо, но девяносто лучше. В общем, работать тебе и работать...

– Да вот, работаю.

– И я работаю. Вроде бы конспект по строевой пишу, а сам о работе думаю. И знаю, как убийцу Сысоева найти.

– Как?

– Очень просто. Кто там у нас из уголовников в районе Саратовской улицы проживает? Кого у нас там за поножовщину судили?.. С учетом у вас неплохое дело поставлено, я тут знакомился, двух человек нашел. Кутасов есть такой, и Юсупов. Если брать по алфавиту, то нач-

нем с Кутасова. Где находился ночью с двадцатого на двадцать первое февраля одна тысяча девятьсот девяносто второго года? Дома? Алиби есть? Хорошо. Берем Юсупова. Алиби есть? Нет. Ну, тогда извините!..

– То есть за убийство Сысоева закроем невинного человека?

– Кто невинный? Кутасов?! Он человека зарезал, отца семейства. И сколько получил? Шесть лет? Ты считаешь, что это много? Лично я так не считаю. У детей отца отнял, и всего шесть лет? Нет, этого мало. Поэтому еще пятнадцать лет надо бы добавить. А если вышку дадут, туда ему и дорога...

– Не по уставу это, товарищ капитан, – мрачно глянул на Гущина Богдан.

Чего уж греха таить, приходилось ему вешать чужие кражи на судимых уголовников. Ревякин примерно так и рассуждал – раз уж встал на преступный путь, то скользи по нему и дальше. И Богдана он учил этому. Потому и приходилось порой повышать раскрываемость нечестным путем. Но ведь это мелкие кражи, а тут убийство...

Тот же Ревякин учил Богдана, что у опера не должно быть совести. Но ведь у него у самого совесть была. И свой собственный кодекс чести тоже. Потому и не искал козлов отпущения под тяжкие преступления; потому и работал как проклятый, чтобы сажать реально виноватых.

– Да ладно тебе, лейтенант! Как будто первый раз замужем!

– Да не ладно, товарищ капитан. Договорились жить по уставу – значит, так и будем жить. И не лейтенант я вам, а товарищ лейтенант. И обращайтесь ко мне, пожалуйста, на «вы».

– Но я старше по званию, я имею право на «ты», – снисходительно произнес Гущин.

Похоже, он совершенно искренне полагал, что Богдан, как младший по званию, обязан сносить его барские замашки. Но это не так. И чем он скорее это поймет, тем лучше для него.

Городовой уже понял, с кем имеет дело. И смирился с мыслью, что работать ему придется одному, без надежного напарника. Плохо это, очень плохо, но лучше так, чем опираться на шаткое плечо ненадежного, глупого и каверзного человека.

– Я вам все сказал, товарищ капитан.

Он посмотрел на Гущина тяжело, угрожающе – и отправился искать строевой устав, чтобы ни в чем не зависеть от этого неприятного ему человека.

Глава 3

Мороз на улице, ветер срывает снег с темных низких туч, швыряет его в лицо и за шиворот. Но все это мелочи. Рабочий день на сегодня закончен, и Егор спешит домой, где ждет его любимая жена. Там тепло, там семейный уют. Счастье и радость. В пакете у него бутылка шампанского, Лена приготовит свое фирменное блюдо – утку в яблоках, и они будут ужинать при свечах. Повод есть: завтра суббота и последний день затянувшейся зимы. Если бы не високосный год, зима закончилась бы уже сегодняшней ночью. Впрочем, Егору все равно, когда это случится, хоть через месяц. Главное, что в душе у него царит вечная весна. Потому что он очень любит свою жену.

Работал он на заводе измерительной техники обычным инженером, зарплата и без того маленькая, а тут еще инфляция. К тому же государственного плана больше нет, продукции выпускается все меньше, фонд оплаты труда сокращается. Но ничего, им с Леной пока хватает. К тому же вчера была зарплата, поэтому и на бутылку дешевого шампанского хватило. А утку родители накануне привезли – дом у них свой, хозяйство.

И еще у Егора есть квартира, пусть и однокомнатная, зато своя. Дом пятиэтажный, хрущевской постройки, люди здесь живут небогато, поэтому черный «Мерседес» у подъезда не мог не привлечь внимания. Ну да, капитализм на дворе, границы открыты, и все больше становится бизнесменов, способных покупать столь дорогие машины. Что ж, это их право, и Егор им нисколько не завидует. Их можно пожалеть, ведь у них нет такой красивой жены, как у него. Нет и быть не может. Потому что Лена одна такая на всей Земле, и нет ей равных...

Дверь он открыл своим ключом. И, переступив порог дома, понял, что Лена не одна. Во-первых, туфли из крокодиловой кожи. Зимой люди в теплых ботинках обычно ходят, но если у человека есть автомобиль, то можно и так... А еще шорох какой-то в комнате, скрип диванных пружин.

– Не надо!.. Не надо! Ну, не надо!!!

Не может Лена разговаривать сама с собой. Да и не разговор это, а крик души.

Не разуваясь, Егор влетел в комнату и увидел мужика с черными выющимися волосами. Лена лежала на спине, в платье, но с голыми, разведенными в сторону ногами, между которыми пристроился насильник. Она отталкивала его от себя, а он расстегивал брюки.

– Ах ты, сволочь!

Драться Егор не умел. На бокс ходил почти год, карате столько же занимался, но на этом поприще не преуспел. Потому что силы в руках не было, и удары не получались. Зато его самого били за милую душу, а боксерской грушей или макиварой он быть не хотел, потому и бросил спорт.

Руки у него длинные, костистые, бицепсы определенно есть, но не чувствовал он в них силу. Мог отжаться от пола пятьдесят раз, подтянуться на турнике – почти пятнадцать, но это ему не помогало. В такие вот ответственные моменты, как сейчас, его брал мандраж и руки как будто отнимались. Это не помешало ему броситься на насильника, схватить его за ворот рубахи. Правда, тут же последовал ответный удар. Мужик ударил его сначала в челюсть локтем, а когда поднялся, двинул ногой в живот и ладонью – в ухо.

– Лена, в понедельник жду! – сказал он, с хищной насмешкой глянув на Егора.

Неторопливо взял с кресла бархатный пиджак, черное пальто, белый шарф, обулся в прихожей и вышел, хлопнув дверью. Егор и хотел остановить его, но не мог. Удары у него будь здоров, вдруг он выбьет ему зубы и сломает нос.

Но Лена смотрела на него так, что Егору стало стыдно за себя, и он все-таки выбежал на улицу вслед за насильником. Тот уже сел в свой «Мерседес». Егор погрозил ему с крыльца кулаком, но мужик, заметив это, стал открывать дверь, чтобы вернуться к нему. Лена ничего

не видела, поэтому Егор не стал обострять ситуацию и с гордо поднятой головой скрылся за дверью подъезда.

...Лена сидела на краю дивана, голова опущена, лицо закрыто руками. Платье на ней, длинный подол закрывает ноги от коленей и выше. Но ведь эти ноги только что были обнажены, и между ними терся мужик. Журнальный столик перевернут, чашка на полу, ковер залит кофе...

– Удрал, гад!.. – выпалил Егор. – Но ничего, я с ним еще разберусь!..

Лена опустила руки, пристально и с мутной злобой в глазах посмотрела на него:

– Разберись... И убей!

Егор озадаченно поскреб за ухом. Он бы и хотел убить этого подонка, но как это сделать? Силы у него для этого нет, и духу не хватит.

– Кто это был?

– Козел. Ты что, не понял?

– И как этот козел здесь оказался?

– Напросился... Я же не думала, что так будет...

Лицо у Лены разгладилось, взгляд смягчился, из глаз потекли слезы. Егор встал перед ней на колени, уложил голову ей на бедра.

Он стал свидетелем ужасной сцены. Но ведь, в сущности, страшного ничего не произошло. Подонки не успели изнасиловать Лену.

– Он сказал, что хочет посмотреть, как я живу... – Жена ворошила пальцами волосы Егора, и он почувствовал, как ее слеза упала ему на голову. – Я не смогла ему отказать...

– Кто он такой?

– Я не хотела тебе говорить, что собираюсь устроиться на работу...

– Какая работа? Ты же учишься.

– И что? У нас полкурса подрабатывает, и ничего... Твоей зарплаты не хватает, а тут объявление было... Требуется секретарша, со второй половины дня... Зарплата высокая... Фирма «Петроль»... Я пошла. Там этот. Костылин Игорь Валерьевич... Поговорили, он сказал, что я ему подхожу. Собралась домой – он заявил, что ему тоже нужно ехать, предложил подвезти. Я не отказалась...

– Значит, он твой шеф? – подняв голову, хмуро, исподлобья глянул на жену Егор.

Не могла Лена не понравиться этому фирмачу. Одни волосы чего стоят – светлые, густые, тяжелые. Большие синие глаза не просто красивы, чистота в них и одухотворенность. Черты лица, может, и не совсем правильные, но нежные, милые, а потому и прелестные... Хорошая она девушка, открытая, понятная, но все-таки есть в ней какая-то загадка. Но если верить одной известной песне, женщине без нее никак нельзя...

– Неужели ты думаешь, что после того, что было, я буду у него работать? – удивленно-возмущенно спросила Лена.

– А что случилось? – тихо и дрогнувшим голосом спросил он.

– А разве ты не понял?

– Понял... Ты сопротивлялась...

– Конечно, сопротивлялась!.. А ты мог бы морду ему набить! – снова разлилась супруга.

– Я пытался... Ты же видела... – тяжело и беспомощно вздохнул Егор. – Удар не получился...

– Зато у него получился.

– Ну да, он сильнее оказался...

– Поэтому ты его не догнал?

Егору почудилось, что в этих словах прозвучало что-то похожее на презрение, поэтому он вспыхнул:

– Я его не догнал?! Да он удирал от меня как черт от ладана!.. И не надо тут на меня! Сама в дом его впустила! Кофейня здесь, что ли? А может, публичный дом?

– Что ты такое несешь?

– Извини, что я раньше на два часа пришел!

– Ты! Придурок!

– Кто придурок?! Я придурок?! Я, да? А этот Костылин клевый чувак, верно? Фирма у него своя, «Мерседес», теперь вот вечерняя секретарша понадобилась! Ты что, не понимала, зачем ты ему нужна?

– Не понимала!

– Тогда ты сама дура!

– Да пошел ты!

Лена вскочила с дивана, бросилась в прихожую, стянула с антресолей дорожную сумку, чтобы собрать свои вещи. Не местная она, родители живут в другом городе, но у нее подруги в студенческом общежитии, они ее примут. А Егор не мог отпустить ее в этот вертеп:

– Лен! Ну, прости меня, идиота!

Он схватил ее за руку, но она вырвалась и даже ударила его кулаком в грудь:

– Пошел!

– Ну, Лена!

– Сволочь!

– Я знаю...

Егор упал перед ней на колени, руками крепко обнял за талию, щекой прижался к ее животу.

– Скотина!

Лена ударила мужа кулаком по голове – раз, другой, третий... Удары слабели, пока не прекратились вовсе.

– Ты же не думаешь, что я хотела спать с Костылиным? – спустив пар, смягчилась супруга.

– Я даже представить себе такого не могу!

– И правильно. Не собиралась я с ним спать. Просто подумала, что бизнесмены до ночи работают, а у их подчиненных нормированный рабочий день, поэтому и нужна вечерняя секретарша... А меня это устраивает. До двух в институте, потом работа. Там ведь и к занятиям подготовиться можно... И двести долларов в месяц! Двести! Долларов!..

– Без долларов обойдемся...

– А куда деваться? Придется обходиться без них... Что это там на полу валяется?

Егор посмотрел в сторону, куда был направлен ее взгляд, и увидел свой пакет, который вылетел у него из рук после пропущенного удара в челюсть.

– Шампанское там... Черт, надо было этому скоту бутылкой по голове!

– А если бы убил?

– Туда ему и дорога!

– И правильно... Там уже утка в холодильнике. По-пекински решила ее приготовить. Я ее уже кипятком обдала и медом полила. Самое время в духовку ставить... Или мне лучше уйти? Зачем я тебе такая публичная нужна?

– Ну, прости меня, дурака!.. С языка сорвалось.

– Сорвалось и сорвалось. Давай порядок здесь наведи. И с пятном от кофе нужно что-то сделать...

Лена все знала и умела, потому сама могла бы вывести с ковра кофейное пятно, у нее утка по-пекински, ей некогда, а Егор только рад ей помочь. Она объяснила мужу, как приготовить мыльный раствор с нашатырем, и он приступил к делу. Вывел пятно, навел порядок в квартире, зажег свечи в комнате. А там и утка поспела.

Шампанское оказалось кислятиной, но Лена и слова не сказала. Девушка она не избалованная, к бедности привычная. Хотелось бы, конечно, зарабатывать двести долларов в месяц, но если не судьба, то и горевать нечего.

– Может, еще по чуть-чуть? – спросила она. – Там водка в холодильнике...

– Ты же не любишь, – вспомнил Егор.

– Слишком крепкая она, чтобы любить. Но сегодня душа просит. Обидели меня...

– Сволочь он, этот Костылин. Надо было его бутылкой...

Действительно, и почему Егор не приложился к его башке бутылкой шампанского? Тогда победа была бы на его стороне. И не опозорился бы он перед Леной. И не было бы сейчас так стыдно...

– Так в чем же дело?

– Да как-то не дошло... Ничего, я завтра с ним встречусь... Что, ты говоришь, за фирма?

– Сейчас.

Лена сходила на кухню, принесла бутылку водки, две рюмки, сама наполнила их, подняла свою. Они чокнулись, выпили.

– Фирма «Петроль». Торговля бензином и нефтепродуктами. При нефтеперегонном заводе. Очень солидная контора. Двухэтажный офис, все блестит, сияет. Деньги там серьезные крутятся... И Костылин этот очень серьезный человек...

– Да плевать я на него хотел! Думает, если денег много, то можно делать все, что угодно?..

– Наверное, так и думает. Деньги раскрепощают. Потому что с ними можно все. Если денег много, то и королеву купить можно...

– Это ты о чем?

– Поговорка есть такая: если красть, то миллион, если... если спать, то с королевой...

– Ты моя королева.

– Да? Тогда тебе можно спать со мной бесплатно... А другим и за деньги нельзя... Ну, наливай, а то уйду!

– Не уходи! – хватаясь за бутылку, вымученно улыбнулся Егор.

Что, если Костылину вдруг удастся купить его королеву? Вдруг эта сволочь пойдет на принцип?.. Ну нет, надо показать этому скоту, что с Егором Хромцовым связываться опасно!

– Да куда ж я от тебя денусь?

Вторую рюмку, как и первую, Лена осушила до дна, так же поступила и с третьей, четвертой. А когда бутылка опустела, она взялась за Егора...

Глава 4

Снова труп. И снова ножовое ранение. Удар спереди, в самое сердце. Мужчина с черными вьющимися волосами лежал на лестничной площадке между первым и вторым этажом. Волосы ухоженные, пальто дорогое, с меховым воротником, туфли из крокодиловой кожи. Не простой он, хотя и смертный...

– Еще теплый, – сказал Голубев.

– Но уже не дышит, – усмехнулся Гушин.

– Да какое там... Тут клинок мощный, и точно в яблочко. Даже ногами не дергал, сразу загнулся... Хотя, может, и дернулся разок...

Следователь разговаривал с женщиной, которая увидела труп и позвонила в милицию. Похоже, убийцу она не заметила, хотя, может, просто не хотела о нем говорить. Но ничего, Антон Петрович уже второй десяток лет в прокуратуре, он умеет развязывать языки. Правда, сначала он отдаст распоряжение операм, чтобы те не простаивали без дела.

Голубев сунул руку во внутренний карман пальто, аккуратно выудил оттуда бумажник:

– Так, права... Костылин Игорь Валерьевич... Техпаспорт. «Мерседес-Бенц». Дабл ю сто двадцать четыре...

– Есть такая, – кивнул Гушин. – Возле подъезда стоит. Супертачка. Только стекло заднее почему-то из оргстекла...

– Да видел, – кивнул Голубев, продолжая свое исследование. – Стекло из Германии заказывать надо, а это долго, поэтому самоделькой заменили... Так, деньги, сто, двести... Ничего себе... Тысяча восемьсот долларов!.. И еще рубли... Это явно не ограбление...

– А ключи от машины? – спросил Гушин.

– Сейчас.

Над трупом склонился криминалист, он и вытащил из кармана ключи от «Мерседеса». Гушин забрал их и отправился к машине. Богдан остался возле трупа. Не хотелось ему идти с Гушиным, антипатия к нему уже перешла в хроническую стадию.

Городовой представил, как развивались события. Мужчина поднимался вверх по лестнице, а кто-то спускался вниз. Этот кто-то проходил мимо и вдруг ударил жертву ножом. А может, он остановился, что-то сказал или закурить попросил. Черноволосый расслабился, и в этот момент последовал удар. Признаков борьбы не заметно, значит, смерть была неожиданной и почти мгновенной.

Потерпевший упал, завалился на бок, вытянул ноги... Да, он поднимался наверх. Дом пятиэтажный, лифта здесь нет, оставалась только лестница... Но куда он шел?

Гражданского паспорта у покойного в карманах не было, в техпаспорте адрес места жительства не указан, в правах отмечен только город и область. Да и слабо верилось, что столь состоятельный человек из роскошного «Мерседеса» мог проживать в этой «хрущобе». Хотя всякое бывает. Время нынче такое, за месяц-два можно разбогатеть. Пока найдешь новое жилье под свой новый статус, пока сделаешь ремонт...

Богдан поднялся на лестничную площадку этажом выше. Окно здесь расположено низко, из него прекрасно просматривался пяточок перед подъездом. «Мерседес» как на ладони; видно, как Гушин открывает багажник. Преступник мог находиться здесь. В ожидании жертвы. Богдан осмотрелся. Исписанные стены, информация об интимных подробностях из жизни какой-то Анжелы из тридцать пятой квартиры. На полу несколько окурков, но все несвежие, как минимум вчерашней давности. «Ява», «Стюардесса», «Магна». Пустая бутылка из-под пива. Это уже интересно. Мало ли, вдруг преступник ее оставил...

– Городовой, ты здесь?

К Богдану подошел следователь Бегичев.

– Да вот, смотрю...

– Думаешь, преступник здесь топтался?

– Это не ограбление. Значит, заказное. А если заказное, то преступник мог поджидать жертву...

– Я с жильцами тут общался, никто не знает этого Костылина. Впервые здесь его видят... А мужчиной он был видным. Такого трудно не заметить.

– Ну да, особенно его «Мерседес»... Если он здесь не живет, то зачем сюда приходил?

– Давай выясняй.

Богдан начал обход со второго этажа. Время рабочее, поэтому из четырех квартир ему открыли дверь только в одной. Но узнать ничего не удалось. И обход третьего этажа ничего не дал.

Зато удача улыбнулась Гущину. Он нашел женщину, которая опознала убитого. С ней он и поднялся на второй этаж.

– Здесь Егор этот живет, – услышал Богдан ее голос.

Гущин жал на кнопку звонка, но дверь под номером двадцать четыре не открывалась.

– Что такое? – заинтересованно спросил Городовой.

– Да вот, информация прошла, – взглядом показав на женщину, торжествуя сказал Гущин. – Видели этого Костылина, он два дня назад в машину свою садился. А за ним товарищ из этой квартиры выбегал...

– Да, выбегал, – кивнула маленькая узколицая женщина с большой бородавкой на носу. – Покойный в машину садился, а Егор выбежал, кулаком ему грозить стал. Тот разозлился, из машины вышел, а Егор убежал...

– И что?

– Да то, что Костылин до этого жену его привез. Вместе с ней из машины вышел, да, Наталья Борисовна?

– Да. Я к Тамаре из соседнего подъезда шла, смотрю, а тут они выходят. Она «спасибо» ему сказала, пошла к подъезду, а он постоял немного и за ней пошел... Я у Тамары недолго была, выхожу, а покойный в машину садится. То есть он еще тогда не был покойным... В общем, он в машину садится, а тут Егор. Взмыленный весь. Кулаком ему помахал!

– Дома, похоже, никого нет, – выслушав женщину, с недовольством сказал Гущин. – Или открывать не хотят... Городовой, давай вниз, с балкона зайди. Тут второй этаж, выпрыгнуть можно...

Он рассуждал верно, но Богдан даже не шелохнулся.

– Товарищ лейтенант, вы меня слышите?

Ну вот, если обратился на «вы», то можно исполнять. Ничего не говоря, Богдан вышел из подъезда, обогнул дом, определил балкон двадцать четвертой квартиры.

Дом выходил на улицу Энгельса, машины по дороге проезжают редко, прохожих и вовсе не видно. Но тротуар очищен от снега, хотя идти по нему не очень легко: скользко. От этой дорожки через газон по снегу к дому тянулись следы обуви, но они же возвращались обратно. И не понятно, какая череда следов первична – от тротуара к дому или наоборот.

Если человек спрыгнул с балкона и пошел к тротуару, значит, он вернулся, чтобы снова забраться на него. А балкон как раз тот, который нужен был Богдану. Егор мог спрыгнуть со второго этажа, дойти до тротуара, а потом вернуться. Но третьей цепочки следов не было; значит, к тротуару он больше не пошел. Тогда куда он делся, если следы начинались-заканчивались метрах в двух от дома? По лестнице к себе в квартиру залез? Но тогда в снегу остались бы прямоугольники от несущих балок. Только нет ничего подобного. Может, веревочную лестницу ему спустили? Вряд ли. Да и зачем?..

Возможно, Егор просто спрыгнул с балкона. Но где тогда следы падения? С высоты второго этажа человек не мог спрыгнуть только на ноги, он бы оставил на снегу следы рук и коле-

ней. Может, спустился с веревочной лестницы? И по ней же забрался обратно? Дошел по снегу до тротуара и вернулся... Нелогично. И нереально... Скорее всего, человек, покинув тротуар, подошел к балкону, а затем повернул назад... Надо будет опросить людей, что жили под двадцать четвертой квартирой. Может, они что-то видели?

Богдан осмотрелся, но кроме странных следов обуви ничего не обнаружил. Впрочем, эти отпечатки сами по себе предмет для исследований. Протектор подошв «елочный», глубокий. Похоже на ботинки типа альпийских. Размер сорок второй...

На нос упала одна снежинка, коснулась уха вторая, на губах растаяла третья. Одна снежинка – еще не снег, как известно, но их становилось все больше, и очень скоро из поля зрения выпал дом за дорогой – так ухудшилась видимость. Поземки еще нет, но следы уже замечает...

Городовой вернулся во двор дома и попросил Сатарова пройти вместе с ним, чтобы тот обследовал и зафиксировал следы. Пока криминалист этим занимался, он сходил за постовым, чтобы тот присмотрел за подозрительным балконом.

Сатаров работал недолго. Снег валил очень густо и скоро скрыл все следы. Даже гипсовый слепок снять не удалось. Но ничего, для дела и фотоснимки пойдут.

Вместе с экспертом Богдан вернулся в дом, поднялся на второй этаж, где курил Гуцин.

– Ну что? – хмуро спросил капитан.

– Не видел никого. Но следы были.

– От балкона?

– Да непонятно... Кто-то от тротуара к балкону подошел, а потом обратно повернул...

– К какому балкону?

– К тому самому. – Богдан взглядом показал на дверь двадцать четвертой квартиры.

– Может, ты не так понял? Может, этот Егор просто спрыгнул?

– Да не похоже. Было бы видно, если бы спрыгнул... А может, и спрыгнул. Но тогда зачем он обратно пошел?

– Надо бы глянуть на эти дорожки.

– Там снег валит, все уже замело. На фото посмотришь, Сатаров на свой «Зенит» снял...

Там, скорее всего, от тротуара к дому подошли, а потом обратно...

– Но ты же в этом не уверен?

– Пока точно сказать не могу.

– Тогда будем считать, что Егор этот сбежал.

– А истина?

– Истина вон лежит, – снисходительно проговорил Гуцин, ткнув пальцем в труп.

Мимо тела как раз проходил Шумов. Начальник уголовного розыска прибыл, сейчас ускорение придавать будет. Следователь куда-то пропал, поэтому майор обратился к Богдану, как будто он был старшим из оперативников:

– Ну, что скажешь, Городовой?

Но ответил Шумову Гуцин, уязвленный столь несправедливым отношением к своему более высокому званию. Да и должность у него повыше.

– А что здесь говорить, товарищ майор! – с торжествующим видом сказал он. – Любовный треугольник с летальным исходом. Человек приехал к своей любовнице, но до квартиры не дошел. По пути встретился с ее ревнивым мужем, который и нанес ему удар в сердце. Имя подозреваемого – Егор, фамилия – Хромцов. Предположительно, он вернулся в квартиру, откуда ретировался через балкон... Сейчас слесарь придет, дверь ломать будем...

– Откуда знаешь, что он через балкон ретировался?

– Городовой следы видел.

– Ну, если следы... А с чего ты взял, что это любовный треугольник?

– Соседка сказала. Костылин жену Хромцова провожал и с ней домой зашел. А тут муж... Что там в квартире было, я не знаю, но Хромцов за Костылиным выбежал, угрожал ему... А сегодня Костылин снова к его жене приехал. Только на Хромцова нарвался...

– Кулаком ему Хромцов угрожал, – уточнил Богдан. – А когда Костылин заметил это и вышел из машины, Хромцов сбежал. Как трус.

– Может, и струсил, – косо глянул на Городового Гущин. – Тогда струсил, а сегодня нет. Стыдно за свою трусость стало, потому и на убийство решился...

– Ой, мамочки! – донесся вдруг снизу голос.

Возле трупы стояла девушка в белом пуховом берете, на котором таяли снежинки. Роскошные светлые волосы из-под головного убора выглядывают. Коричневый полушубок на ней из дешевого синтетического меха, теплые сапоги со сбитыми каблуками, в руке сумочка из плохого кожзама.

Первым среагировал Гущин. Он стремительно спустился к девушке, взял под руку, глянул ей в лицо. Судя по выражению его глаз, девушка произвела на него более чем приятное впечатление. Только восхищение в его взгляде быстро сменилось огоньком охотничьего азарта.

– Гражданка Хромцова?

– Да.

Голос у нее чуточку грубоватый, но звучный, приятный для мужского слуха.

Девушка повернулась лицом к Богдану, и стало ясно, почему Гущин был восхищен ею. Личико хорошенькое, но глаза – это нечто. Утонуть в этих глазах можно. Утонуть без всякого желания выплыть...

– Вы знаете покойного?

– Э-э... Нет, – мотнула головой Елена.

– А вот обманывать нехорошо. Гражданин Костылин ехал к вам, и это мы знаем точно. А вот что вы знаете, мы бы хотели выяснить. И давайте договоримся, что вы не будете вводить нас в заблуждение.

– Хорошо, – кивнула девушка.

– Так знаете вы гражданина Костылина?

– Э-э, да... Я к нему на работу нанималась...

– Вы вступали с ним в интимную связь?

– Да как вы можете!.. – встрепенулась Елена.

Вместе с ней возмутился и Шумов. Он сам подошел к девушке, оттеснил облажавшегося Гущина, взял ее под руку и подвел к дверям квартиры. На ходу принес извинения и спросил, где сейчас может быть ее муж.

– Где Егор? На работе.

– А может, дома?

– Вы его в чем-то подозреваете?

– А почему вы думаете, что мы можем подозревать вашего мужа?

– Не знаю... – Елена трясущейся рукой открыла дверь в квартиру, пропустила вперед Шумова, зашла сама.

И Богдан тоже зашел в дом. Осмотрел кухню и санузел, в то время как Шумов обследовал единственную комнату.

– Вы думаете, Егор может быть здесь? – недоуменно спросила девушка.

– Мы думаем, что он мог сбежать, – открывая дверь на балкон, сказал Гущин.

– Через балкон?

– Возможно, он думал отсидеться дома, но понял, что мы на него вышли, – уже с балкона сказал Гущин. И вдруг издал радостный вопль: – Вот это да!

Богдан тоже вышел на балкон и увидел на полу нож, похожий на финку, но с более широким, чем обычно, клинком. Его потихоньку засыпало снегом.

– Городовой, давай понятых! – скомандовал Гушин.

Это был как раз тот случай, когда Богдан не мог ответить отказом. Он привел понятых, позвал следователя и криминалиста. И через окно посмотрел, как Сатаров поднимает с пола нож. Ему показалось, что вместе с финкой приподнялся слой снега на полу. Поэтому он и отправился на кухню, куда Шумов увел Елену.

– Я понятия не имею, откуда взялся этот нож, – дрожащим от волнения голосом сказала девушка.

– Да вы не волнуйтесь. – Богдан взял пустой стакан, налил из чайника воды, подал ей. – Может, это вовсе не тот нож, которым убили Костылина.

– Нет, конечно! – как за спасительную соломинку, ухватилась за предположение милиционера девушка. – Егор не мог убить Костылина!

– Скажите, Елена, у вас на балконе, на полу, голая плитка или, может, что-то постелено?

– Ковровая дорожка там постелена... А что?

– Да пока ничего...

Возможно, ему всего лишь показалось, что снег приподнялся вслед за движением ножа. Но если так было, значит, острое лезвие врезалось в настил на полу. А врезаться оно могло, если упало с высоты... Нож мог выпасть из руки Егора Хромцова. А мог залететь на балкон с улицы. Во втором случае лезвие ножа могло разбить напольную плитку или оставить глубокий скол. А еще нож мог сначала удариться о стену или подоконник, а уже потом упасть на пол...

Богдан снова отправился на балкон. Надо будет обследовать место падения ножа.

Глава 5

Когда плохой сон принимает очертания реальности, нужно всего лишь ущипнуть себя. Где-то Егор слышал такое, а сейчас он испытывал эту истину на себе. Только пока никакого результата. В первый раз он ущипнул себя, когда его в наручниках бросили в зарешеченный отсек милицейской машины. И ничего. Потом его закрыли в какой-то камере с решетчатыми стенами. Он снова ущипнул себя за щеку, но не проснулся. Где-то через час два милиционера отвели его в подвал, закрыли в каком-то мрачном помещении с бурыми пятнами на стенах. Егор сел на железный, вмурованный в пол табурет и укусил себя за губу. Но и это не сработало.

А потом появился милицейский офицер в новенькой наглаженной форме с капитанскими погонами. Жесткие курчавые, коротко постриженные волосы, рыхлое лицо, глазницы крупные, но сами глаза маленькие, мутные, недобрые. Он сел за рабочий стол, положил перед собой кожаную папку и пристально посмотрел на Егора.

– Капитан Гуцин, оперуполномоченный уголовного розыска, – сухо представился он. И с кривой усмешкой спросил: – Ну что, будем признаваться, Егор Александрович?

Егор уже понял, что это не сон, а жестокая реальность:

– В чем?

– Надеюсь, вы знаете, кто такой гражданин Костылин?

Увы, но Егор знал эту сволочь. И милиции уже известно, как он его наказал. И уж лучше признаться сразу:

– Он сам во всем виноват!

– В чем?

– Он знает, в чем...

– И я знаю. Позавчера, двадцать восьмого февраля, вы вернулись домой и обнаружили свою жену в объятиях Костылина.

– Не было ничего такого! – покраснел Егор. – Верней, он только собирался... Лена его выгоняла, а он не хотел уходить... А я его выгнал!

– А когда он уехал, вы решили его наказать?

– Да, решил... Что мне теперь будет?

– А как вы сами думаете?

– Я всего лишь стекло разбил. Сколько это стоит?

– Какое стекло?

– Как какое? Я бутылку в его машину бросил...

Егор подкараулил Костылина вчера вечером, когда тот выезжал на своей машине с территории офиса. Темно было, и место он выбрал безлюдное. Когда «Мерседес» проезжал мимо, он швырнул в него бутылку из-под шампанского. Жаль, не было зажигательной смеси, чтобы zapравить ею этот метательный снаряд. Но ничего, разбитое стекло тоже неприятность. Хоть какая-то месть. Только как милиция об этом узнала? Ведь не было же свидетелей. И никто его не догонял...

– Бросили в машину бутылку. Понятно... И вы готовы признать это официально?

– Да...

– Хорошо.

Гуцин заполнил шапку протокола, и Егор под запись рассказал, как было дело. А потом подписался под своими показаниями.

– И что мне теперь за это будет? – спросил он, когда протокол допроса лег в папку.

– За стекло? За стекло – ничего. Заявления нет, разбитое стекло заменили оргстеклом, так что все в порядке. Плохо только то, что вы на этом не остановились. И сегодня убили Костылина, так?

- Кто убил Костылина? Я?! – протянул шокированный Егор.
- А разве нет? – пристально и с безжалостной насмешкой посмотрел на Хромцова капитан.
- Не убивал я Костылина!
- Он шел трахать твою жену, Хромцов.
- Что?! – вскипел Егор.
- И сама новость его взорвала, и то, как ее преподнесли.
- То, что слышал, рогатый! – презрительно скривился Гуцин. – И сядь, а то я сейчас рога тебе обломаю.
- Да как вы смеете!..
- Смею! – Капитан с такой силой ударил по столу ладонью, что Егор испуганно вздрогнул.
- А если он его самого ударит? Кулаком. В лицо...
- Ты человека убил, Хромцов! – заорал Гуцин. – Ты отца у сына забрал! Мужа у жены! Ты убийца! Как я еще могу с тобой разговаривать?
- Но я никого не убивал, – вжав голову в плечи, жалко пробормотал Егор.
- А это что такое? – Капитан достал из папки протокол допроса и взмахнул им, как дирижер палочкой. – Ты сам признался, что у тебя был конфликт с Костылиным. Это раз. Костылин шел к твоей жене. Это два. Его убили по дороге к ней. Это три. И главное, на балконе твоей квартиры был обнаружен нож с пятнами крови на нем... Ты меня слышишь, Хромцов? У тебя дома обнаружили орудие убийства!
- Но я не убивал!
- Где ты находился с двенадцати до часу дня?
- На работе... У нас обед с двенадцати часов... Я в кабинете у себя был... Чай с печеньем...
- Кто это может подтвердить?
- Да кто угодно!
- А конкретно?
- Дима Деткин... Правда, он на обед уехал... Он домой всегда ездит, там рядом... И Соболева тоже не было...
- А Юра Соболев у кассирши был. У них производственный роман с интимными отношениями. Запрутся на обед в кассе – и...
- Но я точно в кабинете все это время был!.. Мария Васильевна заглядывала... – лихорадочно вспоминал Егор.
- Когда?
- Диму спрашивала. Только она ушла, и он появился... Примерно без пяти час это было...
- А Костылина предположительно убили в половине первого. Вот видишь, ты на обед печенье ешь, а он чужих жен в это время трахает...
- Что вы такое говорите! – возмутился Егор.
- Ах да, извини, парень, сегодня ты печенье не жрал. Сегодня ты на обед Костылина сожрал... Зарезал его и с балкона спрыгнул.
- С балкона?!
- Только придуряться не надо! Я тебя насквозь вижу! С балкона сиганул и нож при этом выронил... Конкретно ты попал, парень! Лет на пятнадцать как минимум. Но еще не поздно исправить положение. Верней, смягчить свою вину. Экспертиза еще не установила, чья кровь на ноже. А пока результата нет, обвинение мы тебе предъявлять не будем. Вот когда предъявим, тогда уже поздно будет признаваться. Тогда уже никакого снисхождения не получишь и сядешь на все пятнадцать лет. А может, и вышку дадут. Расстреляют тебя, а твою жену будет трахать какой-нибудь Вася Пупкин...

– Хватит! – вспыхнул Егор. – Вы не смеете так говорить о моей жене!

Но Гуцин лишь презрительно усмехнулся. Не впечатлила его акция протеста. Да и сам Егор понимал, насколько беспомощным он сейчас выглядел.

– Это жизнь, Хромцов. Если ты не знаешь, вся наша жизнь крутится вокруг полового вопроса. И крутится, и закручивается. Вот и у тебя закрутиться может. И у твоей Лены. У нее новый муж может появиться.

– Но я не убивал Костылина! – воскликнул Егор.

– Да, но все факты против тебя. Даже алиби у тебя нет...

– Я на заводе был... На проходной могут подтвердить, что я никуда не уходил.

– Знаешь, для чего заборы строятся? Чтобы через них перелезть. Или дыры в них делать. Ты мимо проходной мог пройти...

– Но я не проходил!

– Ты можешь говорить что угодно, но дело твое дрянь. Алиби нет, орудие убийства у тебя дома...

– Но я не убивал!

– А может, Лена твоя Костылина убила? – засмеялся вдруг капитан. – А что? Тебя на проходной не видели, значит, она это сделала. И нож на балконе оставила... Может, ее надо задержать? Сейчас мы съездим за ней, закроем ее в КПЗ... Это просто. Для нас. А для нее могут возникнуть сложности. Это в СИЗО есть разделение камер на женские и мужские, а здесь у нас разделения нет. Закроем ее в камеру к уголовникам и на ночь оставим... Ты, наверное, смотрел порно, где молодых и красивых в тюремных камерах имеют?

– Хватит! – взвыл в отчаянии Егор.

Он действительно видел германский ролик, где два надзирателя развлекались с заключенной. Но тогда он и подумать не мог, что на месте этой красотки может оказаться Лена...

– Боюсь, уголовники тебя не услышат. И твоей жене рот заткнут, если она будет возмущаться. Угадай, чем?

– Подонок! Какой же ты подонок!

Вне себя от ярости Егор соскочил с табурета и бросился на Гуцина. Но тот как будто этого и ждал. Он поднялся ему навстречу, отбил руку и ударил в живот. Острая боль скрутила Егора, швырнула на колени и завалила на бок. А капитан, присев, ударил его кулаком по почкам. И снова Хромцов ощутил приступ невыносимой боли.

– Еще?

– Не надо! – прохрипел Егор.

– А может, все-таки?..

Гуцин ударил его еще несколько раз и только тогда вернулся на место. Потом долго с презрительной насмешкой смотрел, как Егор поднимается и возвращается на свое место.

– Нападение на представителя власти я тебе шить не буду. Ты, Хромцов, свое получил... Больно было, да? Так это только начало. Если, конечно, сядешь сам, а не твоя жена... Если она сядет, то ее будут бить. Уголовники. Чтобы не ломалась...

– Лена здесь ни при чем! – с беспомощной ненавистью посмотрел на Гуцина Егор.

– Значит, ты Костылина убил.

– Я не убивал.

– Значит, жена твоя... Ты пойми, Хромцов, нож у вас в квартире нашли. Не отвертеться вам. Или ты сядешь, или она. Но если сядет Лена, ей все пятнадцать лет дадут. А у тебя шанс выкрутиться есть. Знаешь, что такое убийство, совершенное в состоянии аффекта? Это лишение свободы до пяти лет... Да ты сам посмотри!

Гуцин взял Уголовный кодекс, нашел в нем нужную статью, подошел к Егору и с добродушным видом хлопнул его по плечу:

– Вот, читай, статья сто четвертая, умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения... Вот читай, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет. Или исправительными работами на срок до двух лет...

От этого самого сильного душевного волнения у Егора строчки расплывались перед глазами, поэтому приходилось верить Гущину на слово. Только какая тут может быть вера, если не человек перед ним, а самое настоящее чудовище?

– Исправительными работами можешь отделаться. Есть свидетели, которые видели, как Костылин твою жену домой привез, как вместе с ней в квартиру зашел. Видели, как ты выбежал за ним. В состоянии сильного душевного волнения... Сегодня ты пришел домой на обед, а в подъезде встретил Костылина. И снова у тебя возникло состояние аффекта. Рука сама потянулась к ножу...

– Но у меня не было ножа! – отчаянно мотнул головой Егор.

– А как он у тебя на балконе оказался?

– Может, это какой-то другой нож...

– Со следами крови?

– Может, это чья-то кровь? Не Костылина...

– Может, и так, – кивнул Гущин. – Видишь, я не пытаюсь ввести тебя в заблуждение. Говорю все как есть. Есть нож, но пока не понятно, чья там кровь. Видишь, а мог бы сказать, что там кровь Костылина. Но не говорю. Потому что экспертиза этого не подтвердила. Но могу сказать, что ширина клинка совпадает с шириной колотой раны. Вот это экспертиза определила точно. Так что найденный у тебя нож – орудие убийства. И как только это подтвердится, пропуск в сто четвертую статью для тебя закроется. Не будет убийства из ревности. Останется статья сто вторая – умышленное убийство приотягчающих обстоятельствах. Вот читай, наказывается лишением свободы от восьми до пятнадцати лет или смертной казнью... Или тебя казнят, или твою жену!.. Хотя нет, ее, скорее всего, помилуют. Закон у нас гуманный, женщин, родивших в тюрьме, у нас не казнят. А она родит. От какого-нибудь уголовника. А может, и надзиратель не побрезгует. Баба она у тебя красивая, такой грех не воспользоваться...

– Хватит!

Но Гущин и ухом не повел:

– Ну что, признаваться будем?

– Я не убивал.

– Понятно. Что ж, едем за твоей женой!

– Нет!!!

Егор чувствовал, что доведен до отчаяния. Он не хотел в тюрьму, но и женой пожертвовать не мог. Ведь ее действительно могут изнасиловать уголовники или надзиратели. Как он будет жить дальше, зная, что Лена пострадала из-за его малодушия?..

– Тогда признайся, что убил Костылина. В состоянии аффекта. И за это получишь отдельную камеру. И в СИЗО мы устроим тебя в такую же отдельную камеру. В знак благодарности за сотрудничество. Мы очень хорошо относимся к тем, кто осознает свою вину и встает на путь исправления. Я даже больше скажу, это наша миссия – помогать таким людям... Ну так что, будем признаваться?

– Но я не убивал...

– Убивал. Просто боишься сделать шаг навстречу своей судьбе. Но лучше ты сам этот шаг сделай. Год исправительных работ я тебе не обещаю, но года два получишь. В колонии общего режима. Трудно будет, но ничего, выдержишь. И через два года вернешься к своей жене. Два года – это не срок. Она тебя точно дождет. А если сядешь на пятнадцать лет, то вообще никогда не выйдешь. Во-первых, мы тебе амбала с большим и толстым сосватаем. А во-вторых, срок слишком большой, а тебя максимум на год хватит. От СПИДа подохнешь. Объяснить, почему?

– А если признаюсь?

– Я уже сказал тебе, что тогда. Отдельная камера и максимум два года общего режима. Отсидишь и возвратишься к жене. А нет – пеняй на себя!

– Хорошо, я согласен! – решил Егор.

– Тогда бери ручку, пиши...

– А что писать? Я ничего не знаю.

– А я тебе объясню.

«Чистосердечное» признание Хромцов писал под диктовку Гущина. Оказывается, примерно в двенадцать часов дня он покинул территорию завода, взял такси, поехал домой, но не застав жены дома, отправился в обратный путь. В подъезде встретил Костылина, который нагло сказал, что идет заниматься сексом с Леной; кровь ударила в голову, и Егор пришел в себя с окровавленным ножом в руке. В панике он бросился домой, спрыгнул с балкона, чтобы не появляться во дворе, где его могли увидеть соседи. По пути потерял нож...

За это его действительно ждала отдельная камера. А Гущин позаботился даже о том, что ему принесли матрас и одеяло. А ведь его могли посадить к похотливым уголовникам...

Глава 6

Далеко не всегда фамилия человека определяет его духовную и физическую сущность. Меньшов может быть крупным и тяжеловесным, Большов – меленьким и хилым; есть Рыжовы – жгучие брюнеты, и встречаются Беловы – конопатые и с красными волосами. И Петухов может выглядеть мокрой курицей. Любой другой Петухов, но только не начальник Народовольского РОВД. Этот действительно выглядел и вел себя, как настоящий петух с глянцевыми перьями и золотыми шпорами. И по кабинету прохаживался так, будто не опера перед ним за столом, а какие-то куры на жердочке.

– Ну что, Шумов, понял, как надо работать? – торжествующе спросил он у начальника уголовного розыска и повел руками, будто хотел расправить крылья.

– Как? – исподлобья глянул на него майор.

– А так! Убийство раскрыто за один день!

Гущин пытался сохранить бесстрастное лицо, но губы сами по себе расползлись в торжествующей улыбке.

– Ну, бывает, – пожал плечами Шумов.

– Знаю, как это у вас бывает. До сих пор не можете по Сысоеву раскрыть... Свежая струя вам нужна! Свежий ветер, так сказать! А то ходите, как в штаны наклавши, смотреть противно. С Гущина пример надо брать! Гущин покажет вам, как надо работать!

Богдан мрачно усмехнулся. Каждый кулик лягушку со своего болота хвалит. Вернее, петух – кукушку...

– Да нет, товарищ подполковник, коллектив наш работает хорошо и слаженно... – начал Гущин.

А кукушка на то и существует, чтобы подавать голос. Вот она и заговорила. И как влюбленно смотрит на нее петух...

– Только вот выводы делать не умеют, – плеснул дегтя капитан.

– Да? Это интересно! – расцвел Петухов.

– Например? – с неприязнью глянул на Гущина Шумов.

– Я, товарищ майор, смотрел результаты экспертизы по Сысоеву и сверил их с данными по Костылину. – Жаль, что вы не обратили на это внимания...

– На что именно? – сквозь зубы спросил Шумов.

– На характер колотых ран. Я разговаривал с экспертами; так вот, все они приходят к выводу, что и Сысоев, и Костылин были убиты одним ножом. Об этом говорит ширина и длина клинка, наличие двух долов для кровостока. И главное, почерк, с которым наносились удары. Сильные удары, причем примерно с одной высоты. С одним углом наклона...

– То есть вы, товарищ капитан, хотите сказать, что в обоих случаях убивал гражданин Хромцов? – зашелся в блаженном восторге Петухов.

– Да, я не исключаю этот вариант, – с важным видом кивнул Гущин.

– А я исключаю! – покачал головой Шумов. И посмотрел на Богдана так, будто обращался к нему за поддержкой. Но скорее всего, он просил его не встревать в разговор.

– Почему?

– Потому что я видел этого Хромцова. Ну, какой он профессионал? Кожа да кости!

– Я на своем веку видел и не таких тощих уголовников, – с улыбкой знатока перед дилетантом сказал Петухов. – И все они владели ножом, как мы с тобой – ложкой.

– Да, но то уголовники со стажем. А Хромцов из тех, кто мухи не обидит...

В чем-то Петухов был прав. Не такой уж чахлый этот Хромцов, чтобы списывать его со счетов. Рост выше среднего, плечи узкие, но грудная клетка развитая. Руки длинные и вовсе не плети, как могло показаться. Сам Богдан знал немало людей с такими руками, которые

одним ударом ломали челюсти. Но все же Шумов говорил правильные вещи. Не из той породы Хромцов, чтобы нанести точный и мощный удар ножом. Вспылить мог, сгоряча схватиться за оружие – тоже, но профессионально ударить – нет. Мягкотелый он для этого, изнеженный. Типичное тепличное растение. Такого в тюрьме опустят в первый же день.

– Но ведь обидел! И признание есть.

– Признание – это еще не факт... – покачал головой Шумов. – А если рассматривать Хромцова как убийцу Сысоева, то вообще вилами на воде... Ну ладно, с Костылиным понятно. Тут и мотив есть, и состав преступления. А Сысоев здесь каким боком?

– Кто его знает? Может, Хромцов его знает и между ними был конфликт.

– Нет ничего. Знали мы про характер колотых ран. Действительно, есть сходство. Поэтому мы проверяли Хромцова на предмет знакомства с Сысоевым. Они не знали друг друга.

– Значит, плохо проверяли.

– Возможно, что-то и упустили, – пожал плечами Шумов.

– Вот видишь, ты сомневаешься! И я сомневаюсь...

– Может быть, жена Хромцова состояла в любовной связи с Сысоевым! – торжественно заявил Гущин. – И Хромцов ему за это отомстил!

– Бред, – презрительно глянул на капитана Богдан.

Он общался с Еленой Хромцовой и не заметил в ней легковесности, на которую намекал подловатый Гущин. Конечно, она могла закрутить роман с уважаемым Костылиным, но чтобы опуститься до невзрачного работяги Сысоева, которому недавно исполнилось сорок семь лет... Исключено.

– Плохо работаете, товарищ лейтенант! – тем же взглядом ответил Городовому Гущин. – Если бы работали хорошо, вы бы знали, чем занималась гражданка Хромцова до замужества. Вернее, гражданка Лыткина...

– И чем она занималась?

– А вот товарищ старший лейтенант Федорук вам скажет.

– Давай, Федорук, говори! – подстегнул замывшегося опера Петухов.

– Ну, знаю я эту Лыткину... – вздохнул Гена. – По учету она у меня не проходит, но тем не менее... Училась в политехе, жила в общежитии, в открытую проституцией не занималась, но постоянные клиенты у нее были...

Богдан с трудом удержался от неприязненного взгляда в его сторону. Имелось у него подозрение, что Федорук был связан с одним покойным ныне бандитским авторитетом. Но вместо доказательств на этот счет он располагал лишь догадками. А предательство – это слишком серьезно, чтобы напрямую обвинить в этом опера. Сам Ревякин заподозрил Гену в таком сотрудничестве, но он же предупредил Богдана, что не простит его, если тот предъявит ему бездоказательное обвинение.

Ничего не сказал тогда Богдан Федоруку. Но ведь подозрение осталось.

Да и не столько о прошлом думал сейчас Богдан, сколько о настоящем. Если Гена знал о прошлом Лыткиной, то почему не сказал об этом ему или хотя бы Шумову? Почему он сообщил об этом только Гущину? Почему поставил в неловкое положение Богдана и своего начальника? Ведь он же фактически опустил их всех сейчас, в то время как Гущин поднялся на пьедестал почета.

– Значит, жена Хромцова занималась проституцией? – восторженно подхватил Петухов.

– Не сказать, чтобы злостно... – пожал плечами Федорук. И с виноватым видом посмотрел на своего начальника. Похоже, понял опер, какую глупость совершил. Значит, не совсем он еще потерянный человек.

– Но ведь было?

– Да, было. Но я бы ничего не узнал, если бы не профессионалки. Они мне эту Лыткину сдали. Так, мол, и так, есть одна неучтенная, клиентов к себе переманивает. Ну, я ее нашел, поговорили мы с ней, она сказала, что больше не будет... Не знаю, было там что или нет, но больше я о ней не слышал... Она к Гущину на допрос приходила, я ее в коридоре увидел, сказал... – с унылым видом вздохнул Гена. – Оказывается, она замужем...

Действительно, сегодня утром Лена Хромцова должна была явиться по повестке. Богдан с ней еще вчера насчет мужа говорил, домой к ней для этого приходил. И сегодня у него возник к ней один вопрос, но дела закрутили... А жаль.

– Ну, муж не стенка, его и обойти можно, – скабречно усмехнулся Гущин. – Вот она и обошла, на пару с Сысоевым. А Хромцов об этом узнал. В жизни ведь всякое бывает...

– Вы с ней об этом говорили? – хмуро, исподлобья глянул на капитана Городовой.

– Говорил. Она, конечно, отрицает... Ничего, будем работать по этой линии. Как говорится, кто ищет, тот всегда найдет.

– Давайте, товарищ капитан, ищите! – подбодрил Гущина Петухов.

– А если не найдет, то что-нибудь придумает, – усмехнулся Богдан.

– Товарищ лейтенант, вы что-то имеете против своего коллеги? – возмущенно посмотрел на него начальник РОВД.

– Да нет, не имею.

Претензий к Гущину накопилось немало, но Богдан решил их не озвучивать.

– Может, вы завидуете умению капитана Гущина вести оперативно-розыскную работу?

Именно потому и промолчал Богдан, чтобы не нарваться на такое обвинение. Но все-таки не уберется.

– Не надо завидовать, – менторским тоном продолжал Петухов. – Надо учиться у капитана Гущина. Тогда и у вас раскрываемость повысится.

– У меня нормально с раскрываемостью.

– Нормально – это удовлетворительно. А нужно стремиться к оценке «отлично»... В общем, товарищ майор, – Петухов переключился на Шумова, – даю вам срок одни сутки, подготовить материалы по Хромцову. Нам нужны основания, чтобы обвинить его в убийстве гражданина Сысоева.

– Зачем основания? – разозлился Шумов. – Хромцов морально сломлен, он сейчас хоть в убийстве президента Кеннеди признается. И в убийстве Костылина признался, и в убийстве Сысоева признается. Только кому нужна эта фикция?

– Мне нужна. Вам нужна. Нам нужна.

– Он же на первом следственном эксперименте засыплется.

– В данном случае можно обойтись без следственного эксперимента. Я поговорю со следователем, он поймет...

– Ну да, галочка – великая птица, – криво усмехнулся Шумов.

– Вот видите, вы и сами это знаете, товарищ майор. Так что действуйте.

– Действуем.

– Тогда все! Идите работать, господа офицеры.

Из кабинета начальника Шумов выскочил как из раскаленной парилки. Остановился в коридоре, дождался Богдана и кивком велел следовать за ним. А Федоруку показал кулак. На Гущина он даже не глянул.

– Ну, ты видел щегла? Герой соломенный! – закрыв за собой дверь, возмущенно протянул Шумов. – Думает, если Хромцова расколочил, то лучшим опером стал... Раскрываемость у него высокая... Знаю я, как он показатели выбивал! Так же, как из Хромцова выбил!.. Впустили козла в огород... Кажется, кто-то на мое место... – Шумов осекся и сделал паузу, чтобы успокоиться. – Я ничего не говорил, ты ничего не слышал...

– Да не до того мне, чтоб вас, Василий Александрович, слушать. Гущину я завидую. Стою вот и завидую, завидую... Ни о чем больше думать не могу, ничего вокруг не замечаю. Зависть меня гложет, потому что уши не слышат.

– А надо завидовать, Богдан. Надо. Ты вот правду искать пытаешься, версии строишь, что нож Хромцову подбросили. А Гущин себя не утруждает. Зачем? Заморочил парню голову, показания снял. И еще Сысоева до кучи приплел...

– Так пусть Хромцова на признание и крутит, – пожал плечами Богдан.

– Так ведь раскрутит. И расколется. Он герой, а мы так просто, покурить на службу выходим.

– Тогда сами этим займитесь.

– Думаешь, надо? – в раздумье посмотрел на Богдана Шумов.

– Если не вы, то Гущин это сделает.

– Ты же считаешь, что Хромцов невиновен.

Богдан действительно так считал. Он осмотрел место, где нашли нож. Там в самом деле был глубокий скол на плитке и даже трещина. И на острие лезвия обнаружены следы бетонной пыли. А еще он видел следы, которые тянулись от тротуара к дому. Скорее всего, убийца встал под балконом второго этажа и удачным броском забросил туда нож, как мяч в корзину. И пальчики свои перед этим стер... А бросок очень удачный, нож даже стены не коснулся, когда падал. По крутой траектории лег прямо на пол, хотя и расколол при этом плитку.

У Хромцова сорок третий размер, а следы были сорок второго. Хотя это не аргумент. Трассологического слежка нет, и фотографические снимки не очень четкие, потому что снег шел – сорок второй размер запросто мог оказаться сорок третьим. И с балкона Хромцов мог спрыгнуть, чтобы скрыться с места преступления...

На ноже нет отпечатков пальцев. Суд, конечно, примет это во внимание, но Хромцова не оправдает. Ведь у него нашли орудие преступления, а пальчики он мог и стереть. Ведь кровь с ножа тоже пытались убрать, хотя и не совсем удачно.

– Следы неясные, а нож плитку мог и с метра высоты разбить. Нет у меня доказательств, – пожал плечами Богдан. – Только предположения.

– И у меня предположения. Не мог Хромцов Костылина убить.

– Но бутылку в его машину бросил. Факт доказанный.

– Ну да, было такое... А Сысоев?

– Это меня смущает больше всего... Возможно, Костылина заказали. Фирма у него серьезная, деньги там большие крутятся...

Кооператив «Петроль» был создан два года назад, еще при Советском Союзе, когда главным двигателем экономики был его величество Госплан. А руководству нефтеперерабатывающего завода хотелось продавать бензин и прочее в обход государственных интересов, поэтому и появился кооператив, через который легализовалась и сбывалась на свободный рынок левая продукция. Госплан канул в Лету, но фирма «Петроль» продолжает успешно работать на том же рынке, представляя интересы завода. Через нее бензин и прочее топливо развозится по стране автомобильным транспортом и в железнодорожных цистернах. Даже на экспорт кое-что уходит. В общем, фирма процветает, это, конечно же, притягивает бандитов.

– Возможно, соучредители счета сводят, – вслух подумал Богдан. – А может, Махор своего человека поставить хочет...

– Ну да, Махор – это серьезно.

Этот вор появился в городе позапрошлым летом. Был такой крупный бандитский авторитет по кличке Шурин, он тогда пытался взять под свой контроль весь Народовольск, но ему мешал вор в законе Рычаг. Шурин заказал своего конкурента, расправился с ним, но дело не заладилось. С одной стороны уголовный розыск его поджал, а с другой – Махор, который

покаялся отомстить за Рычага. Он сам тогда был в законе, да и сейчас таковым оставался. Шурина убили еще в КПЗ, и Махор взял всю власть в свои руки.

Нет, он не стал объединять бандитские бригады под своим началом. Он выбрал для себя роль третейского судьи и сборщика податей для воровского общака. И все бандитские авторитеты отстегивали ему весьма солидный процент. Махор держал их всех в ежовых рукавицах. В прошлом году авторитет по кличке Пархом осмелился бросить ему вызов, на этом его карьера и закончилась. Да и жизнь, скорее всего, тоже. Пархом бесследно исчез, а его бригада развалилась на три части. Такой вот принцип у Махора – разделяй и властвуй.

Первое время Махор не проявлял особого интереса к коммерческим объектам. Он отдал город на разграбление подконтрольным ему бригадирам, имел с этого процент и жил себе спокойно, как полагается правильному вору. Не было у него своей бригады, если не считать особой зондер-команды. И коммерцией он не занимался. Но время меняет людей, и Махор уже не сторонится бизнеса. Поэтому он занялся бензином, который производит местный завод. Если это действительно так, то фирма «Петроль» не могла не попасть в сферу его личных интересов. Возможно, он держит это предприятие под своей крышей, а может быть, имеет в нем свою долю. Нефтеперегонный завод – это Закамский район города. Эту территорию делят бригады Румына и Вентиля, и РОВД там свой. Но слухи о бензиновом бизнесе разносятся по всему городу и оседают в головах людей, которые стучат Богдану; через таких сексотов и поступает информация. Сведения эти обрывочные, смутные, но Городовой и не стремится их систематизировать. Хотя и собирает, чисто для сведения. Больше знаешь – легче работать.

– Но если Костылина убрал Махор, то нам лучше не лезть в эти дебри, – покачал головой Шумов. – Запутаемся и на посмешище себя выставим...

Увы, но Богдан рассуждал примерно так же. Махора он не боялся, но искать наобум следы бандита в этом деле бессмысленно. Вот если появится серьезная зацепка, тогда другое дело, а так лучше и не дергаться.

– Если настоящего убийцу найдем, то не запутаемся.

– Как ты его найдешь?

– Через Сысоева... Возможно, его и Костылина убили одним ножом.

– Да, но какая между ними связь? Ты же не рассматриваешь версию Гущина всерьез?

– Ну, может, Хромцова и подгуливала. Но Сысоев точно не из ее репертуара. Тут что-то другое. Сысоев знал своего убийцу, потому и втянулся в разговор с ним. С соседями он нормально жил, а на работе картина несколько другая. Не сказать, что конфликтный человек, но на хер послать мог запросто. Мужики на него иной раз обижались... А двое – больше всего. Молодые ребята, горячие; один ему даже морду набил.

– Да, ты говорил. Но ведь они оба не судимы, с криминалом не связаны. А ограбление, возможно, было инсценировкой...

– Это не важно, что с криминалом не связаны... Тогда было не важно. Можно было бы с ними поработать. Но если Сысоева и Костылина убил один человек, то эти ребята отпадают. Если отбросить версию с Хромцовым, то Костылина заказали. И сработал его профессионал из уголовников. Возможно, этот человек следил за Костылиным; возможно, он видел, как Хромцов угрожал ему кулаком. Может, видел, как он бросил бутылку в его машину. Поэтому и подставил его...

Богдан только начинал служить опером, когда его самого подставили. Киллеры подстроили все так, как будто это он убил законного вора Рычага. Но этот номер не прошел. Потому что с Городовым тогда работал Ревякин, и он помог ему найти настоящих убийц... Как после такого не верить в подставы?

– Может, все так и было, – кивнул Шумов. – Но к начальству с этим не подъедешь.

– Да я понимаю.

– А если понимаешь, надо колоть Хромцова.

– Я и это понимаю. И если вы его расколете на новое признание, головой о стену биться не буду. Но сам в этом участие принимать отказываюсь.

– Тогда это сделает Гущин.

– Да мне все равно. Меня его лавры не волнуют. Я с ним в социалистическое соревнование не впрягался. И в передовики не рвусь. Я просто выполняю свою работу. Как могу и как совесть позволяет.

– Думаешь, мне совесть позволяет?

– А если Петухов хочет видеть на вашем месте Гущина?

– М-да... – Шумов нервно забарабанил пальцами по столу.

– А может, Хромцов действительно зарезал Сысоева? По-любому допросить его надо.

Однако, чтобы допросить Хромцова сегодня, нужно было вырвать его из лап Гущина. Пока Шумов говорил с Богданом, этот хитрый жук уже вытянул парня на допрос. Но ничего, Шумов поставил его на место и сам занялся подозреваемым. Богдана оставил себе в помощь...

Глава 7

Улица Энгельса, дом сто четыре. Поздний вечер. Сегодня не холодно – весной вдруг пахнуло. Солнце днем ярко светило, сосульки от радости заплакали. И сейчас мороза нет. Может, потому и не расходятся женщины, что сбились в кружок. Так увлечены они разговором, что не заметили Богдана. Во всяком случае, никто из них не обернулся вслед. Так и прошел бы он мимо, если бы не донеслась до него фраза:

– А я смотрю, идет, нож вытирает...

Богдан остановился как вкопанный. Не привлекая к себе внимания, сместился в плохо освещенную зону между подъездами, затих.

– Мордастый такой! Нос картошкой! Глаза злющие! Страшный! На меня глянул, палец к губам приложил. Только попробуй, скажи! – с восторженным ужасом рассказывала женщина с дребезжащим голосом.

– Так и сказал? – спросила товарка.

– Говорю же, палец к губам приложил! Как он мог сказать? Это жест такой. Молчи, мол, что видела!

– А пальцем по горлу не провел?

– Нет! Но я и так все поняла. Страшно жуть как стало!

– В милицию тебе надо идти...

– Ага, сейчас! Чтобы он меня ножичком этим по горлу?..

– Может, этот мордастый бизнесмена убил, а Егор в тюрьме сейчас... Ой, мужчина, а что вы здесь делаете?

Как ни таился Богдан, а все-таки его заметили. Плохо.

– Ой, бабоньки! – испуганно взвизгнула женщина с дребезжащим голосом и в страхе бросилась к своему подъезду.

Похоже, она возомнила, что это мордастый с ножом к ней подкрадывается. И ее соседки тоже решили спасаться бегством. Но Богдан их остановил:

– Милиция! Уголовный розыск!

Нужная ему женщина замедлила шаг, и Богдан взял ее под руку:

– А если точнее, тайная полиция.

– Какая тайная полиция?

– Тайная полиция. Для розыска тайных свидетелей. Высматриваем, подслушиваем...

Кого вы с ножом в руке видели?

– Никого!

– Лида, ну ты же сама говорила, – послышался знакомый голос.

– А если он не из милиции?

Богдан раскрыл служебное удостоверение. В свете уличного фонаря хорошо была видна его фотография. Женщина подняла глаза, сличила фотографию с оригиналом и только тогда успокоилась.

– Ну что, убедились?

– Да. Только я ничего не видела.

– Лида!.. – попыталась пристыдить ее соседка.

– Что Лида? Я уже четвертый десяток Лида... Ну, видела я мужика с ножом, и что?

Может, это совсем не тот нож! Крови на нем я не видела!

– А какой нож вы видели?

– Ну, нож как нож... У меня такой на кухне, я им хлеб режу...

– Финкой хлеб режете?

– Почему финкой? Обычным ножом... И там обычный нож был...

- А когда вы убийцу видели?
- Второго марта...
- Лида! – снова вмешалась соседка.
- Ну, первого...
- Да когда этого бизнесмена убили, тогда она его и видела.
- Рот бы тебе зашить, Валентина Сергеевна! – огрызнулась Лида.
- Да ладно тебе, Лида! Егор вон сидит, а ты убийцу выгораживаешь! – возмутилась еще одна женщина.

Разумеется, Богдану этот бабий хор был только на руку.

- Может, убийца, а может, и нет...
- Где вы его видели, Лидия... Э-э, как вас по отчеству?
- Зачем по отчеству? – фыркнула женщина. – Я еще не старая, чтобы меня по отчеству звать!

Старухой ее действительно не назовешь. За тридцать лет ей – может, слегка, а может, и под сорок, она из тех, чей возраст сложно определить, – полная, и лицо пухлое, рыхлое, на щеках красные прожилки.

- Так когда вы этого мужчину видели?
- А это что, допрос?
- А вы что, пытаетесь скрыть факт преступления? Нехорошо, Лида, плохо!
- Я тебе что, подруга? Чего ты Лидой меня зовешь? Лидия Максимовна я!
- Пусть будет Лидия Максимовна, – кивнул Богдан, не реагируя на эту перемену в настроении свидетеля. – Когда вы видели человека с ножом?

– Первого марта. В начале первого, я тут рядом работаю, домой на обед шла. Я в первом подъезде живу, а труп во втором обнаружили. Я в первый подъезд зашла. А потом узнала, что бизнесмена какого-то убили... Говорят, Егор его из второго подъезда зарезал.

- Но вы же видели нож в руке другого человека.
- Откуда я знаю, вдруг это какой-то другой нож.
- Может, все-таки покажете, где вы видели этого человека?
- Ну, я к дому подходила, а он навстречу шел... Да, может, и не нож это, а линейка железная...

– А с какой стороны вы к дому подходили?

Женщина провела Богдана к месту, где пересеклись их с возможным убийцей пути.

- Он мне пригрозил и дальше пошел, к сто шестому дому.
- Вы оборачивались, видели, как во двор сто шестого дома зашел?
- Да, видела. Руки в карманы сунул, голову опустил, шел быстро...

Убийца мог обойти сто четвертый дом с другой стороны, вернуться к сто второму и забросить нож на балкон Хромцову... Только почему Лидия Максимовна говорит про кухонный нож? Еще и линейку металлическую сдуру приплела...

- Или все-таки он финку в сапог сунул? – спросил Богдан.
- Может, и финку... – сдалась женщина.
- Как выглядел этот мужчина?
- Не очень высокий... Метр семьдесят или чуть выше... Но крепкий такой, плотный...

И мордастый...

– Нос картошкой, – подсказал Богдан.

Он вспомнил, как Меркушев показывал форму носа убийцы, как будто картофельный клубень брал. Тот, кстати говоря, тоже говорил про метр семьдесят роста.

– Да, нос картошкой, глаза маленькие, и шрам на переносице был. И еще взгляд у него страшный... – затрепетала женщина. – Испугалась я, когда он на меня посмотрел...

– Посмотрел, и что?

- Да ничего! – Похоже, страх перед убийцей снова взял над ней верх.
- А все-таки?
- Да нет, нет...
- Лидия Максимовна, я ведь вас не допрашиваю. И протокол не пишу. Просто как человеку скажите: что вы заметили, когда этот человек улыбнулся?
- Да ничего особенного...
- Вы говорили, что палец к губам прикладывал, – подсказал Богдан.
- А, да, было такое, – сконфуженно проговорила женщина.
- Значит, вы видели его руку. Может, какие-то татуировки на пальцах заметили? – с надеждой спросил Богдан.
- Нет, не заметила, он же в перчатках был...
- Волосы какие?
- Так шапка на нем была – черная, вязаная. И куртка с высоким воротом. Подбородка видно не было...
- А губы у него какие – толстые, тонкие?
- Тонкие... Точно, тонкие...
- Глаза какие?
- Злые... Он улыбался, а глаза презлющие!
- Большие глаза или маленькие? Какого цвета?
- Знаете, я, наверное, домой пойду, – поежилась женщина. – Замерзла я что-то.
- Давайте вместе пойдем. Я бы от чашки чая не отказался, – заигрывая, улыбнулся Богдан.
- Ага, а мужа я куда дену?
- Так я же из милиции!
- Думаете, он поймет?... Он, когда пьяный, вообще ничего не понимает. Ты уйдешь, а он меня изобьет. Мне это нужно?
- Понятно... А не могли бы вы завтра явиться в райотдел на Свердловца, мы бы фоторобот составили. И нож вам покажем, может, опознаете... С утра, если можно, подойдите.
- С утра так с утра.
- Лидия Максимовна ушла, а Богдан продолжил путь. Он шел к жене Хромцова. Были у него к Лене вопросы. И прежде всего нужно было подтвердить алиби. Ее муж утверждал, что ночь, когда убили Сысоева, он провел у себя дома. В чем, в общем-то, Богдан и не сомневался...
- Он нажал на клавишу звонка, и спустя три-четыре секунды послышался щелчок открываемого замка. Лена открыла дверь поспешно и с таким видом, как будто за ней можно было глотнуть свежего воздуха. И тут же Богдан услышал знакомый мужской голос:
- Не надо! Закрой!
- Теперь он понял, почему Лена открывала дверь с надеждой обрести за ней спасение. Она хотела, чтобы кто-нибудь избавил ее от Гущина. Уж не шантажировал ли ее капитан?
- Девушка искала спасения, но увидела Богдана, и ее губы искривились в презрительно-возмущенной усмешке.
- Что, вдвоем решили?
- Она явно не желала обслуживать двоих, поэтому и выполнила требование Гущина, стала закрывать дверь. Но Богдан не позволил ей этого сделать. Он решительно вошел в дом, отеснив девушку в сторону.
- Что это мы вдвоем решили? – глядя на Гущина, сурово спросил он.
- Его было видно из прихожей. В кресле сидит, журнальный столик перед ним, бутылка коньяка, закуска. Похоже, он основательно вошел в роль хозяина положения. И даже появление Богдана не привело его в чувство.

– А то и решили! Я же проститутка, да? И чтобы Егор этого не узнал, я и с тобой переспать должна, да?

От Лены пахло коньяком, но чересчур пьяной она не выглядела.

– А ты что, с ним должна?.. – Богдан смотрел на Гущина зло, чуть ли не с ненавистью.

Ладно, были основания привлечь за убийство Хромцова. Но кто позволил капитану шантажировать его жену? Кто давал ему право позорить милицию?..

– А разве нет?

– Лейтенант, что такое? – вальяжно поднимаясь со своего места, пренебрежительно усмехнулся Гущин. – Кто тебя сюда звал?

– Да вот, алиби у Хромцова. В ночь, когда убили Сысоева, он был с женой...

– Да? А жена у Хромцова проститутка. Да, Ленчик?.. Она в эту ночь деньги зарабатывала.

С паскудной улыбкой Гущин подошел к девушке и небрежным движением руки обнял ее за талию.

– Нет!

Но ее протест не нашел выражения в действии. Она даже не попыталась вырваться из объятий хама. Похоже, Лена думала, что у нее нет выхода. То с одним приходилось иметь дело, а тут и второй подключился... Как ей одной с двумя сладить?

– Ну как же нет, если да? Есть свидетели, которые могут дать показания на суде. Ты скажешь, что в ночь убийства муж находился с тобой, а судье скажут, что ты проститутка. Скажи, кто поверит проститутке? А что скажет твой муж, когда узнает?

Лена всхлипнула и закрыла лицо руками.

– Ну и сволочь ты, Гущин! – свирепо, сквозь зубы процедил Богдан.

– Что?! – взвился тот. – Вы что себе позволяете?..

Он не договорил. Богдан ударил его в солнечное сплетение основанием ладони. Удар мощный, но после него не остается синяков. Гущина скрючило от боли. Дико глядя на Богдана, он опустил на корточки.

– Ты что позволяешь себе, мразь? Я же тебя убью, если ты хоть слово про Лену скажешь! Тебе не жить, если Хромцов узнает! Ты меня понял, гнида?

Потрясенный Гущин кивнул.

– Пошел вон отсюда!

Капитан снова кивнул в знак согласия и стал подниматься. Он повернулся в сторону комнаты, но вместо того чтобы сделать шаг, бросился вдруг на Богдана. Похоже, еще не понял, с кем имеет дело.

Прием из арсенала боевого самбо швырнул Гущина на пол. Городовой открыл дверь и спустил подлеца с лестницы. Вслед полетели его вещи. Но говорить Богдан ему ничего не стал. Не хотел, чтобы соседи стали свидетелями столь грубой и, в общем-то, недостойной сцены. Пожалуй, нет для обывателя больше радости, чем видеть, как дерутся два мента.

Богдан закрыл за Гущиным дверь и, не глядя на Лену, занял его место за столом. Наполнил рюмку коньяком, одним глотком выпил, громко выдохнул.

В комнату тихонько вошла Лена.

– Я правильно все поняла? – с восхищением глядя на него, робко спросила она.

– Что поняла?

– Ты... Вы заступились за меня?

– Лучше «ты»... Да, ты поняла все правильно.

– Зачем вы... Зачем ты за меня заступился?

– Затем, что Гущин – мразь... Узнал, что ты занималась проституцией, и стал тебя шантажировать. Или нет?

– Да. Он пришел ко мне и стал шантажировать. Сказал, что Егору все расскажет, если я под него не лягу.

- И ты согласилась? – пренебрежительно спросил Богдан.
- Нет. Но все к этому шло... Я не хочу, чтобы Егор узнал. И еще он сказал, что может упечь Егора на пятнадцать лет. А можно, сказал, сбавить срок до двух лет.
- Хвосты он заплетать умеет... И Егора твоего заплел. Сначала Костылина на него повесил. Теперь вот Сысоева...
- Кто такой Сысоев?
- А Гущин тебе не говорил?
- Нет... Ты говорил. Только я что-то не очень поняла. Сысоева убили, а Егору нужно алиби...
- Ты правильно все поняла.
- И Егора обвиняют в его убийстве?
- И это так. Только у Егора алиби может быть. Хорошо, если есть. Где он находился в ночь с двадцатого на двадцать первое февраля?
- Дома он был, – не задумываясь, ответила Лена. – Со мной. Мы все ночи вместе в феврале проводили. И с двадцатого на двадцать первое – тоже...
- Точно?
- Ну да.
- Может, ты крепко спала, поэтому не заметила, как он ушел?
- Да нет, я сплю чутко, я бы заметила. Я правда очень чутко сплю...
- Так следователю и говори. И когда под протокол скажешь, проследи, чтобы он это записал.
- Да, я поняла... А кто такой этот Сысоев?
- Предположительно, твой клиент. Которого твой муж мог зарезать из ревности.
- Кто такое сказал? – возмутилась девушка.
- Гущин.
- Ваш Гущин – еще та сволочь!
- Понимаешь, в чем дело, Лена, Сысоева и Костылина убили одним ножом. Официального заключения экспертизы еще нет, но, возможно, оно будет в пользу этой версии. И если Егор убил Костылина, то и Сысоева – тоже он.
- Но Егор не знает никакого Сысоева! И я его тоже не знаю... Какой ужас!
- Лена достала со шкафа пачку сигарет, зажигалку.
- Как замуж за Егора вышла, так больше не курила, – выпустив из легких струю дыма, сказала она. – А как его забрали, так остановиться не могу...
- Я тебя понимаю.
- Курила я до Егора. Но проституцией не занималась. Просто мужчина один был... Потом как-то вышло, что я с его товарищем сошлась. Потом с другим... А этот другой с проституткой до меня жил. Та в милицию стукнула... Ну, в смысле, сообщила... – Лена развязно усмехнулась, глянув на Богдана. – Чего так смотришь? Ну, не была я примерной девочкой. С мужиками за милую душу спала. Без отца росла, мать еле концы с концами сводила, за мной не особо следила. А потом сюда приехала, в институт поступила, никого не знаю. Семнадцать лет, дура полная, а тут Людка, вся из себя. Я тебя, говорит, жизни научу. Как будто я ничего не знаю... В общем, я два года куролесила. Потом за ум взялась, Егора встретила... Он, конечно, не красавец, но я красавца и не искала. Мне просто надежный мужик нужен был. Чтоб не пил, не курил... Как там в песне?.. Ну да, чтоб цветы всегда дарил. В дом зарплату приносил, так, кажется... Мне с ним нравилось. И нравится. Я в институте учусь, на последнем курсе, его зарплату не хватает, но ничего, не жалею... Не жалею, а в этот «Петроль» поперлась... Знаешь, я ведь на самом деле возмутилась, когда Костылин на меня полез... Хотя, казалось бы, что здесь такого? Ну, отдалась бы раз, потом другой, зато двести долларов каждый месяц...

Только не хочу никому отдаваться... А с Гушиным... Эта сволочь меня шантажировала. От меня бы не убыло, но все равно противно... А ты можешь Егору помочь?

– Могу.

– Эх ты! – разочарованно вздохнула Лена. – Я думала, ты не такой, как Гушин. А ты туда же!

– Что-то ты не то говоришь, – нахмурился Богдан.

– Да ладно, не то!.. Сейчас наврешь с три короба, я тебе поверю, расплачусь с тобой натурой...

Лена смотрела на Городового так, как будто и хотела расплатиться с ним таким вот образом, но при этом отговаривала себя. И хочется, и колется... Возможно, Богдану так только казалось.

– Я таким товаром оплату не принимаю, – покачал головой он.

– Что, не нравлюсь?

– Как женщина? Как женщина – нравишься. Только ситуация не та. У меня принципы. Ты вот ради мужа собой пожертвовать можешь, а я ради своих принципов могу себе во многом отказать. Да и не пытаюсь я тебя обманывать. Так что можешь расслабиться.

– Но ты же сказал, что можешь Егору помочь...

– Могу. Но не ради тебя. А ради него. Не верю я, что это он Костылина убил. И нож ему, скорее всего, подбросили. А еще я свидетеля нашел, который настоящего убийцу видел.

– Это правда? – просияла Лена.

– Правда – в нашем деле понятие уголовно-процессуальное. А это тебе не три тополя на Плющихе. Это густой лес, причем иногда темный. И такой, что ноги можно сломать... Убийцу настоящего видели – и что? Может, это вовсе и не убийца, а случайный прохожий. Нож у него видели – так с ножом сейчас каждый третий ходит. А с Егором все понятно. Он и в убийстве признался, и улики против него есть. Сысоева, может, ему и не пришьют, но за Костылина он точно получит срок. Вопрос только в том, большой или малый.

– Гушин говорил мне про состояние сильного душевного волнения. Егор действительно меня ревновал...

– Ревность и сильное душевное волнение – это не одно и то же. Но бывает приступ ревности, это уже близко... Только боюсь, что Гушин может отомстить твоему Егору. Если он Сысоева на себя не возьмет. Может его по сто второй статье пустить или по сто третьей. И там умышленное убийство, и там. Но сто вторая без смягчающих обстоятельств. А это пятнадцать лет.

– Но ты же можешь ему помешать? – Пристально глядя на Богдана, Лена опустила бретельку на платье.

Плечи у нее красивые, и все, что ниже, не хуже. Но это лишнее...

– Могу.

– И что от меня нужно? – Девушка взялась за вторую бретельку.

– Нужно. Только не то, о чем ты думаешь.

– А о чем я думаю?

– Прекрати.

– Да ладно, шучу я, а ты и поверил... На вшивость тебя проверяла!

Она оправила платье.

– Тогда и я тебя проверю.

– Как? – игриво повела Лена бровью.

– Ты видела, как я спустил Гушина с лестницы.

– Я до сих пор в полном восторге.

– Да? Тогда ты должна спрятать этот восторг. И если тебя вдруг спросят, что здесь произошло, ты не должна говорить, что я его ударил...

Увы, но Богдану приходилось призывать Лену к лжесвидетельству. Слишком хорошо он знал своего коллегу. Гущин еще тот фрукт – слона может из мухи сделать. Как же – он целый капитан, а тут какой-то лейтенант руку на него поднял... Не спустит он на тормозах это дело, рапорт подаст, потребует служебного расследования. А то и уголовного... Богдан бил его аккуратно, вряд ли судмедэкспертизе удастся снять побои. Остается жена Хромцова, которая может дать показания. А может и не дать...

– Но ведь ты его ударил. Я видела, – с кокетливым каким-то коварством улыбнулась девушка.

– Если видела, так и скажи.

– А может, и не видела...

– Тогда не говори.

– А если скажу, что тебе будет?

– Поставят на вид.

– А как это?

– Очень просто. На перекресток у моста поставят, движение регулировать.

– Кожаная куртка, белая портупея, белая каска, да?

– Что-то в этом роде.

– Хотелось бы посмотреть, как ты палочкой махать будешь. Ты бы очень хорошо смотрелся. Высокий, сильный... Ты интересный мужчина. – Взгляд у Лены стал вдруг туманиться.

Богдан понял, что пора уводить себя с перекрестка:

– На самом деле меня могут просто уволить. За дискредитацию офицерского звания.

– Жаль. Обидно будет, если такая сволочь, как Гущин, останется, а тебя выпрут, как последнего... Я ничего не видела, товарищ лейтенант. Я даже не знаю, как тебя зовут...

– Богдан.

– Я ничего не видела, Богдан. Так что не переживай. И Егора в обиду не давай.

– Договорились.

Городовой поднялся со своего места, оправил куртку.

– Ты уже уходишь? – расстроено спросила Лена.

– Мне домой пора.

– Жена ждет?

Богдан глянул на кисть своей правой руки. Не было там кольца.

– Это ничего не значит, – качнула головой Лена. – Я встречалась с одним военным. Он сказал, что вам запрещают носить обручальные кольца. Палец оторвать может, если за что-то зацепишься...

– Не ждет меня жена.

– Подруга?

– И подруги нет.

– Странно. Я думала, что с женщинами у тебя без проблем... Крутой ты. Женщины таких любят... Ладно, иди. А то еще подумаешь, что я тебя удерживаю.

Лена близко подошла к Богдану и вдруг села перед ним на корточки, едва не ткнувшись лбом ему в пах. Он ошеломленно глянул на нее сверху вниз. Но ничего предосудительного не произошло. Она всего лишь взялась пальцами за края разведенной «молнии», чтобы застегнуть куртку.

– Не надо, – со снисходительной иронией улыбнулся милиционер.

– Почему? – поднимаясь, сказала девушка.

– Куртка должна быть всегда расстегнута.

– Не понимаю.

Лена стояла перед ним, опустив глаза. Казалось, она только того и ждала, чтобы он поцеловал ее в губы. Возможно, всего лишь казалось. Но если нет, то все равно ему нужно было

воздержаться от искушения. Не важно, какое прошлое было у Лены; может, она и хотела перенести его в настоящее, но Богдан не имел права воспользоваться ее слабостью. Не тот случай. Он представитель закона, а она – жена подследственного. Это Гушин способен на подлость, а он – нет. Вот если бы ее муж не зависел от него, тогда другое дело. Тогда бы он разговаривал с этой красоткой по-другому...

– Все очень просто. Под курткой пистолет, и его надо быстро достать.

– Зачем?

Она сунула руку под куртку, нащупала оружие, но из кобуры вытащить не пыталась. Замерла в каком-то трепетном оцепенении, тускло улыбаясь чему-то.

– Я – опер. В нас иногда стреляют.

– Кто?

– Бандиты. Воры.

– Это опасно?

– Если пуля мимо пролетит, то нет, – усмехнулся Богдан.

– Извини, я говорю какие-то глупости...

Лена ладошками уперлась ему в грудь и вдруг оттолкнула его от себя:

– Все, иди. И не морочь мне голову.

Она не стала открывать ему дверь. Просто отошла в сторонку и повернулась к милиционеру спиной. Похоже, она не хотела, чтобы он уходил. Но, увы, остаться Богдан не мог...

Глава 8

Тяжелый взгляд можно изображать. Именно это и пытался делать подполковник Петухов. Он смотрел на Богдана пристально, из-под нахмуренных бровей. Зубы стиснуты, желваки напряжены. В этом взгляде была опасность. Но не было подавляющей силы. Богдан чувствовал себя неуютно, но из состояния равновесия не выходил.

Он помнил взгляд Махора. Вот там действительно тяжесть. Гигантская глыба вечной мерзлоты из тех краев, где законник мотал срок. Лагерные морозы, кровавые схватки за воровскую власть, отчаянная смелость и беспощадность к врагу, тяжесть оставленных после себя трупов – казалось, все сконцентрировалось в этом взгляде. А что за душой Петухова? В патрульно-постовой службе начинал, потом вдруг в уголовный розыск его занесло, затем возглавлял отдел кадров городского управления, а оттуда перешел в Народноволюск с повышением. Видно, под погонами у начальства хорошо вылизывал. Спору нет, оперативно-розыскную работу он знает, вернее, знаком с ней не понаслышке. Но с тем же Измайловым его и близко не сравнить... Какой глыбой казался бывший начальник РОВД, а все равно бандитам проданся. И этот, возможно, уже на финансовом крючке. Хотя речь сейчас не о волках из каменных джунглей.

– Городовой, ты хоть понимаешь, что ты сделал?

Петухов хотел сказать это важно, с начальственным баском, но голос вдруг сорвался на истерический визг. Видно, не понравилось ему, что Богдана не пронял его свирепый взгляд.

– А что я сделал?

– Товарища своего избил!

– Не избивал я товарища.

– Конечно, ты не считаешь Гущина своим товарищем, но никто не давал тебе права!..

– Гущина? Я его не избивал.

Подумаешь, с лестницы спустил... И кто скажет, что Богдан врет?

– А это что такое? – Петухов поднял над головой листок бумаги.

– Не знаю, – в недоумении пожал плечами Богдан.

Так и есть, Гущин накатал на него телегу. Не человек, а ничтожество.

– А я знаю! Это рапорт! Где четко отражено, как ты избил капитана Гущина. Избил офицера, который старше тебя по званию! Избил сотрудника милиции, находящегося при исполнении!

– Где я его избил?

– Только дурака здесь валять не надо!

– Где я его избил? – повторил все-таки вопрос Богдан.

– В квартире гражданки Хромцовой!

– Позавчера?

– Вчера.

– Позавчера я у нее был. А вчера не был. Гущин что-то путает.

– И позавчера у нее был, и вчера. И чего ты к ней зачастил? Красивая девочка, да? И легкого поведения?

– Не был я там вчера. А вот что Гущин там делал?

– Он работой занимался! В отличие от некоторых...

Богдан промолчал. А зачем говорить, если Петухов его не слушает? Ему лишь бы самому прокукарекать.

– Ты избил старшего по званию, Городовой! Ты должен понести наказание!

– Ничего не было, товарищ подполковник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.